

⁵⁹ См.: *Лавров А.С.* Регентство царевны Софьи Алексеевны. С.159; *Лонгинов А.В.* Обзор записок графа Матвеева и вновь открытых вариантов их о стрелцком полковнике Сухареве // РС. 1918. № 3-6. С.18-19; Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. М., 1872. Т.1. С.95,102,90.

⁶⁰ Цит. по: *Второв Н., Александров-Дольник К.* Древние грамоты и другие письменные памятники, касающиеся Воронежской губернии и частью Азова. Воронеж, 1850. Ч.1. С.72-73,77-78.

⁶¹ Подобная точка зрения уже высказывалась в свое время М.П.Погодиным и Е.А.Беловым, поддержали ее и некоторые современные исследователи (см.: *Белов Е.А.* Указ. соч. С.330; *Богданов А.П.* Сильвестр Медведев. С.97; *Буганов В.И.* Петр Великий и его время. М., 1989. С.19; *Погодин М.П.* Указ. соч. С.216).

⁶² См.: *Желябужский И.А.* Дневные записки // РА. 1910. № 9. С.17.

⁶³ См.: *Богословский М.М.* Заговор Цыклера // Сборник статей по русской истории, посвященных С.Ф.Платонову. Пг., 1922. С.335, 337; *Соловьев С.М.* Соч. Кн.VII. С.527-528.

⁶⁴ Восстание московских стрельцов. 1698 год: Материалы следственного дела. М., 1980. С.103,149.

⁶⁵ Там же. С.212-213.

⁶⁶ На сходства и отличия переворотов XVII и XVIII вв. указал С.О.Шмидт (см.: *Шмидт С.О.* Политика просвещенного абсолютизма в России середины XVIII в. // Россия и Испания: историческая ретроспектива. М., 1987. С.265).

⁶⁷ См.: *Буганов В.И.* Об оценке Московского восстания 1682 г. (по поводу рецензии Н.И.Павленко) // ИСССР. 1973. № 2. С.236-244; *Павленко Н.И.* Об оценке стрелецкого восстания 1682 г. // ИСССР. 1971. № 3. С.77-94.

⁶⁸ М.Раев относит «кризис государственных институтов, общества и культуры» ко времени с середины XVII в. до петровского царствования (см.: *Raeff M.* Понять дореволюционную Россию: Государство и общество в Российской империи. Lnd., 1990. С.11). В коллективной монографии петербургских историков называются основные черты этого кризиса: нарастающее отставание страны от развитых стран Европы, потеря боеспособности армии, распад системы служилых чинов, раскол как кризис общественного сознания и собственно династический кризис. Указанные явления более или менее конкретно «укладываются» в рамки 60–80-х гг. XVII в. Однако в предыдущей главе той же книги понятие «общенациональный кризис» распространяется уже на все столетие. В него включаются и работа Земских соборов в последние годы Смуты, и их «вынужденное возобновление» в 30–40-х гг. XVII в., и финансовые трудности, и фискальный гнет, и территориальные утраты, и религиозная нетерпимость, и падение авторитета царской власти, и неэффективность приказной системы (см.: *Власть и реформы.* С. 104-110,114-116). Е.В. Анисимов также считает допустимым распространить понятие кризиса на все время, начиная с конца XVI в. (см.: *Анисимов Е.В.* Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII в. СПб., 1997. С.10). Сами по себе перечисленные явления сомнения не вызывают; но если целое столетие русской истории представляет собой перманентный кризис, то можно задать вопрос: что тогда считать «нормой» и была ли она?

⁶⁹ Они не платили пошлин с судебных исков, получали ссуду на обзаведение двором, не попадали в кабалу при неуплате займа; из царского дворца им выдавали денежные подарки и угощение (см.: *Заозерский А.И.* Царская вотчина XVII в. М., 1937. С.297-305).

⁷⁰ Царь лично проверял росписи стрелецких караулов, отдавал для них пароли, отправлял стрелецких командиров в «посылки» военного, хозяйственного и дипломатического характера (см.: Там же. С.198-199,297,305).

⁷¹ Цит по: *Якубов К.И.* Указ. соч. С.440,444.

⁷² См.: *Лавров А.С.* Регентство царевны Софьи Алексеевны. С.164-165.

⁷³ См.: *Очерки истории СССР XVII в.* М., 1956. С.149.

⁷⁴ См.: *Богданов А.П., Возгрин В.Е.* Указ. соч. С.82; *Лавров А.С.* Регентство царевны Софьи Алексеевны. С.140.

⁷⁵ См.: Там же. С.187-189.

⁷⁶ Сравнение стрельцов с янычарским корпусом см.: *Витол А.В.* Османская империя (начало XVIII в.). М., 1987. С.23-25.

⁷⁷ См.: *Богословский М.М.* Петр I: Материалы для биографии. Т.1. С.94,136.

ГЛАВА III

1725: ПЕТРОВСКОЕ «НАСЛЕДСТВО»

Какову он Россию свою сделал, такова и будет...
Феофан Прокопович

Цена имперского величия: предпосылки «дворских бурь»

22 октября 1721 г. канцлер Г.И.Головкин от имени Сената просил Петра принять звание «Отца Отечества, Петра Великого, императора Всероссийского». Сознательная ориентация царя на римскую императорскую традицию совпала с завершающим этапом формирования самодержавной монархии в России и утверждением новой роли страны в системе международных отношений.

Однако по мере побед российского оружия выдвигались и новые проблемы. Претензии на господство на Балтике способствовали складыванию враждебного России блока во главе с Англией. Несмотря на подписанный в 1724 г. с Турцией мирный договор, в Иран устремилась турецкая армия, создав угрозу завоеванному в ходе «персидского похода» 1722–1723 гг. побережью Каспийского моря.¹ Попытки союзника – Августа II – увеличить армию вызывали в Петербурге озабоченность; накануне смерти Петра I его посол в Варшаве князь С.Г.Долгоруков просил денег на раздачи депутатам сейма, «дабы помянутой сейм ко окончанию не привести».² Попытка форсировать ликвидацию автономии недавно присоединенной Украины вызывала брожение верхушки казачества («старшины»). Петр полагал, что после Богдана Хмельницкого «все гетманы явились изменниками», и в 1723 г. отложил выборы и арестовал вероятного кандидата Павла Полуботка вместе с другими представителями старшины.

Блеск празднеств не мог скрыть от внимательных наблюдателей тяжелого внутреннего положения страны. Недостаток средств вынуждал уже в 1723 г. идти на крайние меры и разложить недостающую сумму «на всех чинов государства, которые жалованье получают». Зарплату не платили не только рядовым служащим, но и опорам режима – гвардии и Тайной канцелярии: в сентябре 1724 г. ее руководители П.А.Толстой и А.И.Ушаков подтвердили, что их подчиненные «весьма гладом тают».³

Исследования состояния сельского хозяйства страны в петровское время показали, что увеличившийся гнет привел к уменьшению числа хозяйств, сокращению резерва рабочей силы, разорению деревни и в итоге — к тенденции снижения уровня земледельческого производства.⁴ Новая столица росла на глазах; но процесс градообразования и внутреннее развитие городов были «законсервированы». Утверждение крепостничества подрывало образование «третьего сословия» (численность постоянных жителей городов снизилась с 5,3 до 4,6 %), а фискальная политика приводила к застою и упадку промышленности, ориентированной на внутренний рынок.⁵

Практика нового государственного строительства была далека от реализации поставленной задачи создания «регулярного государства». Некомпетентность и злоупотребления чиновников власти пытались пресечь с помощью новой системы тайного и явного контроля в лице фискалов и прокуроров, «понуждением» со стороны присылаемых из центра ревизоров и гвардейских офицеров с чрезвычайными полномочиями.

Петр намеревался дополнить контроль «сверху» не менее эффективным надзором «снизу». Основным средством для этого в централизованной бюрократической системе было всемерное поощрение доносительства, и Петр впервые в 1713 г. обязался лично принимать и рассматривать доносы. За такую «службу» доноситель мог получить движимое и недвижимое имущество виновного, «а буде достоин будет — и чин»; таким образом, он мог рассчитывать не только на вознаграждение, но и на обретение нового социального статуса в петровской системе.⁶ Примером для подражания царь называл «национального героя» Лариона Елизарьева и его подвиги 1689 и 1697 гг. Донос был закреплен в тексте присяги в качестве святой обязанности подданного «благовременно объявлять» о всяком «его величества интереса вреда и убытке».⁷

В дальнейшем практика доносительства показала, что такой канал «обратной связи» самодержца с подданными становился деморализующим фактором в развитии самого благородного «шляхетства» и правящей верхушки. Он стимулировал попытки выдвинуться и достичь не только выгоды, но и чинов самым аморальным способом, что продемонстрировала послепетровская «эпоха дворцовых переворотов»: если одни стремились «прорваться» к цели силой, то другие — последовательно доносили на сослуживцев по учреждению или полку. Самого Петра регулярно пугали извещениями о готовившемся «великом смятении»; царя и царицу предупреждали о близкой гибели, в результате чего может воцариться Меншиков. Вероятно, такие «прогнозы» в атмосфере петровской кадровой «революции» уже могли восприниматься всерьез.⁸

Сам император, похоже, ощущал перенапряжение сил страны и к концу царствования желал продолжения преобразований таким образом, «дабы народ чрез то облегчение иметь мог». Однако основная линия на укрепление и модернизацию «служилого» государства при сохранении сложившихся социальных отношений не претерпела изменений. Поэтому предположения о возможной смене курса — о том, что Петр «мог бы, если бы пожелал, сравнительно легко избавиться и от крепостного права», — представляются интересными, но достаточно спорными.⁹

Появившиеся в исторической науке с начала 90-х гг. попытки выявить альтернативные пути и «точки бифуркации» исторического развития страны в XVII—XVIII веках исходят, как нам кажется, не столько из анализа реальной ситуации, сколько из сложившихся у авторов представлений, и нередко противоречат друг другу в определении количества имевшихся в российской истории альтернатив.¹⁰ Накопленная за столетия русской истории «инерция» развития в определенном направлении все более уменьшала возможности такого варианта, и «сворачивание» с крепостнического пути, по которому уже больше ста лет двигалась Россия, выглядит маловероятным.¹¹

Царь-реформатор разрушал старую систему управления и преобразовывал структуру служилого класса, но не изменял лежавшего в ее основе принципа обязательной службы с «земли». Можно согласиться с мнением о наличии объективной тенденции буржуазного развития страны в то время; можно даже предположить, что воля и темперамент Петра могли подвинуть его если не на отмену крепостного права, то хотя бы на регламентацию крестьянских оброков и повинностей.¹² Но не было ли бы тогда в нашей истории одним дворцовым переворотом больше? Ведь акция такого масштаба для ее успешного осуществления должна опираться на единство правящей группы; а этого не было, как не было и осознания необходимости подобных перемен.

Завершение переписи совпало с введением паспортной системы и устройством «вечных квартир» для полков регулярной армии. Предусматривалось создание настоящих «военных поселений» — слобод с типовыми, поротно поставленными избами, полковым хозяйством, рабочим скотом и даже женитьбой солдат на местных крестьянках, которых в интересах армии предполагалось отпускать из крепостных.¹³

В январе 1725 г. послы России в европейских странах получили для обнародования императорский манифест (не вошедший в ПСЗ), который предписывал им немедленно объявить царскую волю: «<...> дабы всяких художеств мастеровые люди ехали из других государств в наш российский империум» с правом свободного выезда, беспошлинной торговли своей продукцией в течение нескольких лет. Государство обязалось предоставить прибывшим «готовые квартиры», «вспоможение» из казны, свободу от постоя и других «служб».¹⁴ Похоже, что Петр, как и в начале своего царствования, готовил очередную «волну» иммигрантов, чтобы дать новый импульс преобразованиям.

Последние именные петровские указы конца 1724 — начала 1725 гг. — о жаловании чиновникам, о скорейшем сборе подушных денег на гвардию, о расположении к 1 марта 1725 г. полков на новых квартирах — свидетельствуют о неизменности избранного курса государственного строительства при некотором стремлении сократить издержки в условиях острого финансового кризиса.¹⁵

Выдвинутая Петром I формула российского абсолютизма: «Его величество есть самовластный монарх, который никому на свете о своих делах ответу дать не должен», — означала разрыв с прежней системой управления государством, с теми ее институтами и традициями, о которых В.О.Ключевский писал, что

«московский царь имел обширную власть над лицами, но не над порядком», который, как показывают современные исследования, все же в известной степени ограничивал власть монарха по отношению к подданным.¹⁶

Ликвидация патриаршества, включение Синода в систему государственного аппарата, присяга архиереев в качестве «послушных рабов и подданных» государю, которого в начале XVIII века уже публично приравнивали к самому Христу, — все это означало исчезновение еще одного, сохранявшего пусть даже относительную автономию, «противовеса» самодержавию. Новая генерация духовенства отличалась полным сервилизмом и готова была оправдать любые деяния власть имущих.

Современникам Петра особенность национального политического устройства была понятна. Побывавший во Франции Людовика XIV петровский дипломат Андрей Матвеев был в восхищении от прогулок по «Версальской слободе» и увидел «на обеде у короля чин слово в слово весь двор московского старого». Но он же подчеркнул в своих записках и весьма существенную разницу: «Но хотя то королевство деспотическое или самовладевающее, однако самовластием произвольным николи же что делается, разве по содержанию законов и права, которые сам король, и его совет, и парламент нерушимо к свободе содержит всего народу».¹⁷ Резонно предположить, что поощряемое и направляемое Петром знакомство русской знати с границей поневоле заставляло ее сравнивать европейские порядки с отечественными.

Пока во главе системы стоял Петр Великий, она могла быть динамичной и эффективной. Однако созданный им механизм власти имел уязвимые места с точки зрения политической стабильности режима.

Во-первых, особенностью петровской «революции» была установка не на сохранение и «улучшение» признанных норм и обычаев, а на «полный отказ от существующей традиции и от преемственности по отношению к непосредственным политическим предшественникам».¹⁸

Смена модели культурного развития России сопровождалась и «отказом» Петра вести себя как православный царь: он путешествовал инкогнито за границей, демонстративно нарушал придворный этикет, владел далеко не «царскими» профессиями и развлекался в составе кощунственного «всеепянейшего собора».¹⁹ Вместе с ликвидацией патриаршества Петр I провозгласил себя «крайним судьей» духовной коллегии — Синода и принял титул «Отца отечества», что означало в глазах традиционно мыслящих подданных разрыв с древнерусской традицией. В результате церковных реформ первой четверти XVIII в. верховная власть подчинилась теперь только Богу, но не церковным канонам.²⁰

Следствием усилий по сакрализации монарха стали как дискредитация самой духовной власти, так и ожидание «праведного», богоизбранного государя, т.е. появление самозванцев.²¹ Ускоренная и насильственная европеизация вместе с нарушением естественного порядка престолонаследия могла только усилить эти настроения.

Главный идеолог петровских реформ Феофан Прокопович провозглашал право монарха изменять по своей воле культурно-бытовые нормы, включая сюда «всякие обряды гражданские и церковные, перемены обы-

чаев, употребление платья, домов строения, чины и церемонии в пиrowаниях, свадьбах, погребениях и прочая». Следствием подобной установки стал и «Устав о наследии престола» 1722 г., отменявший сложившуюся (но нигде не закрепленную юридически) традицию передачи власти по нисходящей линии от отца к сыну, которым сам Петр так и не воспользовался, продемонстрировав тем самым несоответствие между стремлением установить новый порядок посредством своей монаршей воли и случаем, который на эту волю мог повлиять. В результате после его смерти возникла уникальная ситуация: на престол имели равные права все члены семьи Романовых, что привело к длительному династическому кризису.²²

«Устав» 1722 г. можно рассматривать и в контексте упоминавшейся выше коллизии двух правовых систем. Начиная с Соборного Уложения 1649 г., действующему праву был присвоен культурный статус; однако юридическое сознание, выработавшееся в условиях оппозиции русского и церковнославянского права, переносило на него атрибуты культурного права, как они понимались в России, и прежде всего — его недейственность. Этому способствовало и само обильное петровское законодательство, ставшее орудием «перевоспитания» общества. Конкретные законодательные акты превращались в литературно-полемические сочинения; прагматические аспекты права оттеснялись на второй план или игнорировались в связи с появлением заведомо невыполнимых норм. В результате новое законодательство становилось «культурной фикцией», а его неисполнение для подданных (отнюдь не только «подлых») — нормальным и психологически естественным явлением.²³

Кроме того, такой порядок разрушал «вертикальную» (или генеалогическую) ось в придворной системе, что приводило к излишнему увеличению роли и веса «горизонтальной» оси — различных группировок и кланов, ориентирующихся на тех или иных, равно законных претендентов.²⁴

Издание «Устава» сопровождалось появлением трактата Феофана Прокоповича «Правда воли монаршей», призванного разъяснить подданным новый порядок престолонаследия. Но он же доказывал необязательность самого принципа наследственной монархии, поскольку государь, стоящий выше любого «человеческого закона», в выборе наследника волен не принимать в расчет даже само «сыновство» и сделать преемником любого «честного и умного юношу». Более того, Феофан представлял ситуацию с кончиной монарха, не успевшего определить наследника: в таком случае «должен народ всякими правильными догадами испытывать, какова была или быти могла воля государева», и определять престол «первородному» или иным возможным наследникам, не исключая и дочерей, «где женская власть не отставлена» какими-либо иными законами.²⁵

Подобная официальная интерпретация фундаментальной основы монархического правления оправдывала не только произвол власти, но и право подданных «испытывать» кандидатов на престол — при том, что в этом же тексте категорически отрицалась идея избирательной монархии. Феофан, явно не желая того, предсказал реальную ситуацию 1725 г. со всеми ее последствиями и, возможно, стимулировал желание близкого ко двору «народа» осуществить на деле указанные «догады».

Образцом государственного устройства царь считал свою армию; не случайно в именном указе Сенату в 1716 г. он объявил, что Воинский устав «касается и до всех правителей земских». С XVII в. армия не только обгоняла прочий государственный аппарат в деле централизации, но и подталкивала страну к единоличной власти монарха. Теперь же она играла все возрастающую роль во внутренней жизни страны и выполняла разнообразные функции административного и полицейского характера, приобретая при этом черты обособленности, корпоративный характер; ее верхушка — гвардия — исполняла функции контроля.²⁶ На другом уровне — в торжественных церемониях («презентациях власти») петровской эпохи главное место занимала «демонстрация насилия»; главными участниками и украшениями официальных торжеств и празднеств стали гвардейские полки и дамы, присутствие войск теперь затмило во время самой церемонии духовенство.²⁷

Отказ от древнерусского «наследия» (ставшего в глазах людей XVIII столетия символом застоя, отсталости, предрассудков), резкая смена культурных ценностей и «военизация» гражданского устройства не могли не повлиять на нормы политической этики. Возможно, поэтому самый талантливый русский царь стал и первым, на жизнь которого его подданные считали возможным совершить покушение. Об этом говорили и опальные бояре Соковнины в 1697 г., и участник Астраханского восстания Степан Москвитянин: «А буде бы он, государь, платье немецкое носить и бород и усов брить перестать не велел, и его б, государя, за то убить до смерти». Даже простой посадский Сергей Губин посмел в кабаке ответить на тост о царском здоровье: «Я государю вашему желаю смерти, как и сыну его, царевичу, учинилась смерть».²⁸

Во-вторых, запущенная бюрократическая машина со своей иерархией, системой ценностей и реальной властью на средних и нижних этажах управления очень быстро показала, что может обходиться без хозяина. Пройдя суровую петровскую школу, чиновничество обеспечивало работу учреждений при любых переменах на самом вершине. Но при этом чиновник быстро усваивал нормы служения не закону, а «персонам» и собственной карьере, которая обещала даже «беспородному» разночинцу дворянский титул и связанные с ним блага. Обратной стороной выдвижения новых людей явились хищения, коррупция, превышение власти, которые не только не были истреблены грозным полувоенным законодательством Петра, но перешли, так сказать, в новое качество.

Трансформация патримониальной монархии в бюрократическую империю вызвала разрыв традиции гражданской службы вследствие резкого увеличения численности бюрократии (только за 1720—1723 гг. число приказных, по расчетам Е. В. Анисимова, увеличилось более чем в два раза²⁹) и снижение уровня профессионализма чиновников при возрастании их амбиций и appetитов.³⁰ Проще говоря, дьяки и подьячие XVII века брали «умереннее и аккуратнее», а дело свое знали лучше, чем их европеизированные преемники, отличавшиеся полным «бесстрашием» в злоупотреблениях.

В записках одного из сотрудников Петра I — вице-президента Коммерц-коллегии Генриха Фика — приводится характерный образ такого «нового чиновника», с которым сосланному при Анне Иоанновне Фику пришлось встретиться в Сибири. «Молодой двадцатилетний детинушка», прибывший в качестве «ко-

миссара» для сбора ясака, на протяжении нескольких лет «хватал все, что мог». На увещания честного немца о возможности наказания «он мне отвечал так: “Брать и быть повешенным обоим имеет свое время. Нынче есть время брать, а будет же мне, имеючи страх от виселицы, такое удобное упустить, то я никогда богат не буду; а ежели нужда случится, то я могу выкупиться”. И когда я ему хотел более о том рассуждать, то он просил меня, чтоб я его более такими поучениями не утруждал, ибо ему весьма скушно такие наставления часто слушать».³¹

При этом стройная на вид петровская административная система не выработала столь же строгих норм компетенции и ответственности государственных «мест». Характерной ее чертой стало постоянное нарушение нормального «течения» дел, чему способствовал сам Петр. Огромное количество рапортов, жалоб и доношений шло мимо всех инстанций прямо в Кабинет; там оформлялись и выходили подготовленные его чиновниками указы и письма: до 20 % всех именных указов и неуставленное количество устных приказов и письменных распоряжений, переданных через кабинет-секретаря А. В. Макарова.³² Таким образом, с одной стороны, подрывался нормальный, «регулярный» порядок решения многих вопросов; с другой — решения по обильно поступавшим делам готовились чиновниками, и в немалой степени именно от них зависело, как и когда подать царю ту или иную бумагу.

В-третьих, в отличие от ситуации XVI—XVII вв., обретенный страной статус великой державы не мог не привлекать внимания правительств иных стран к ситуации при петербургском дворе: не случайно правительство Франции в то время связывало перспективу союза с Россией с тем, что царь «обязан при жизни своей назначить себе наследника... для сохранения новых учреждений его в Великороссии». Внешнеполитическая ориентация, в свою очередь, играла роль в борьбе за власть в самой России. В соответствии с различным пониманием интересов России возникали противоборствовавшие группировки вельмож и придворных. Борьба по вопросу о союзнических отношениях России с европейскими державами вплеталась в перипетии соперничества у трона и становилась частью общей картины придворных интриг.

Наконец, чрезмерное напряжение сил страны в ходе тяжелых войн и внутренних реформ объективно ставило перед правящими кругами проблему корректировки петровской политики, с ее сторонниками и противниками внутри правящей элиты. К такому пересмотру подталкивало также противоречие интересов дворянства и государственной машины. К такому пересмотру подталкивало и противоречие интересов дворянства и государственной машины.

«Шляхетство» и гвардия в 1725 г.

Петровская «Табель о рангах» открыла широкие возможности карьеры неродовитым дворянам и стимулировала служебное рвение выходцев из «подлых» сословий: почти четверть (22,6 %) офицерского корпуса пехотных полков петровской армии составляли произведенные унтера и рядовые — вчерашние крестьяне, посадские, дети подьячих и церковно-

служителей.³³ Появление целого поколения «выдвиженцев» совпало с «прививкой» ему новых представлений и поведенческих норм.

Повести петровской эпохи рисуют образ нового русского шляхтича, который мог сделать карьеру, обрести богатство и повидать мир от «Гишпаний» до Египта. Герой появившейся в кругу царевны Елизаветы «Истории о некоем шляхетском сыне» уже в «горячности своего сердца» смел претендовать на взаимную любовь высокородной принцессы, «понеже изредка красота ваша меня подобно магнит железо влечет». В этой дерзости: «Как к ней пришел и влез с улицы во окно и легли спать на одной постеле»,³⁴ — не было ничего невозможного, в «эпоху дворцовых переворотов» этот литературный образ стал реальностью. Ведь теперь от личных усилий таких «кавалеров» в значительной степени зависело их поощрение в виде чинов или «деревень», не связанное, как прежде, с «породой» и полагавшимся «окладом».

Закон о единонаследии 1714 г. и введение «Табели о рангах» содействовали процессу консолидации, но этот процесс шел противоречиво.³⁵ Ломка прежних «чиновных» перегородок XVII века не привела к радикальному изменению внутренней структуры «служилого» класса: старая элита «государева двора» смогла приспособиться к новым требованиям и сохранить как свой высокий статус на службе, так и размеры землевладения.³⁶

Приток «выдвиженцев» порождал оппозицию со стороны старых служилых родов. Незнатных новый порядок службы ставил перед волей вышестоящей инстанции, произволом военного или «статского» генерала, а всех вместе — перед «благоволением» монарха, которое могло обернуться взлетом-«случаем» или сылкой с конфискацией имущества, а то и эшафотом. Подобная «атомизация» общества (термин М. Раева) препятствовала складыванию сословной солидарности и, кажется, стала осознаться просвещенными современниками к концу XVIII столетия. М. М. Щербатов сетовал на упадок «духа благородной гордости и твердости» у дворян своего века, оставшихся перед самодержавным произволом «без всякой опоры от своих однородцов». Об ослаблении «связей родственных» писал Александру I Н. М. Карамзин.

С другой стороны, в жестко централизованной системе желание конкретного лица или группы повысить свой статус и упрочить материальное положение не могло не быть устремлено к ее вершине, откуда происходили чины и другие милости.³⁷ В процессе реформ Петр создавал при помощи массовых земельных раздач опорную группу своих приближенных; всего при нем, по данным Ю. В. Готье, было роздано крестьян больше, чем в предыдущие царствования (175 тысяч душ). Е. И. Индова относит эти цифры уже ко всей первой половине XVIII столетия; но по ее расчетам получается, что за это время «шляхетство» потеряло ровно столько же (175 тысяч душ) вследствие опал и конфискаций.³⁸

Указ 1714 г. ликвидировал разницу между поместьем и вотчиной; но одновременно предписывал «не продавать и не закладывать» дворянские земли, за исключением «крайней нужды», т. е. прямо ограничивал дворянское право собственности. Не случайно само понятие «собственность» утверждается в языке и документации только в последние десятилетия XVIII

века.³⁹ Указ не давал никаких гарантий наследственного владения «недвижимым имением»: в первой четверти XVIII века, по неполным данным, земли были конфискованы у 3 тысячи дворян.⁴⁰ Петровская европеизация не давала «шляхетству» гарантий, в том числе — от телесных наказаний и регламентации личной жизни; власть требовала от дворян тяжелой и повседневной службы, в то время как государственное налогообложение примерно в 8–10 раз превосходило стоимость владельческих повинностей.⁴¹

Благосклонное внимание царя оставалось и при Петре, и после Петра главным критерием, смыслом и стимулом службы для получения нового чина и связанных с ним благ; эта черта стала определяющей для массового сознания дворян XVIII столетия при отсутствии прочных межличностных связей и корпоративной солидарности.⁴² Однако усиление патриониального начала, возрастание зависимости статуса и благосостояния от воли монарха имели и оборотную сторону, которую уловил М. М. Щербатов: «Начели люди наиболее привязываться к государю и к вельможам, яко ко источникам богатства и награждений, ... сия привязанность несть благо, ибо она не точно к особе государственной была, но к собственным своим пользам».⁴³

В свое время В. О. Ключевский предполагал, что несокрушимая уверенность Петра в своей правоте проистекала из его мироощущения «московского допетровского царя».⁴⁴ Не справедливее ли будет предположить, что одержимость Петра в конструировании «регулярного» государства опиралась в том числе и на вполне реальную веру во всемогущество верховного начала? При отсутствии каких-либо институтов социального контроля государство не было связано ничем в ходе осуществления модернизации, которая неизбежно приобретала принудительный характер, — что порождало «психологию, для которой свойственно апеллировать к государству как единственному организатору и инициатору совершенствования общества».⁴⁵

Другое дело, что сама эта вера создавала определенное «силовое поле» давления на самодержца, с которым неизбежно надо было считаться. К тому же и прошедшие петровскую «школу» дворяне, осознавшие свои возможности и «разум», со временем не могли не задуматься о плюсах и минусах реформ и их последствиях и попытаться воздействовать на петровское «наследство» в желательном для них смысле.

При этом для политической культуры даже высшего слоя дворянства характерно отсутствие корпоративной солидарности и прочных личностных или родовых связей: состав придворных «партий» быстро менялся, и вчерашние союзники становились злейшими врагами. При отсутствии правовых традиций и легальных корпоративных форм донесения до престола своих чаяний «регулятором положения и политики абсолютизма в интересах всего дворянства стали не конкретные учреждения, а бюрократия, двор, и со временем — гвардия».⁴⁶

Эта специфическая корпорация являлась не только элитной воинской частью, но и чрезвычайным рычагом управления. В первой половине столетия гвардия стала школой кадров военной и гражданской администрации: из ее рядов вышло 40 % сенаторов и 20 % президентов и

вице-президентов коллегий.⁴⁷ При Петре гвардейцы формировали новые полки, отправлялись с ответственными поручениями за границу, собирали подати, назначались ревизорами и следователями; порой сержант или поручик были облечены более значительными полномочиями, чем губернатор или фельдмаршал.

Петр лично «экзерцировал» свои полки, угощал гвардейцев из своих рук и был желанным гостем на их свадьбах. Символом доверия к гвардейцам стало включение 24 офицеров Преображенского полка в число судей над царевичем Алексеем: рядом с генералами и вельможами подписи под приговором сыну своего государя поставил прапорщик Дорофей Ивашкин.⁴⁸ Культивируемые Петром I силовые методы политической борьбы и приближение гвардейцев к «политике» не могли, рано или поздно, не породить естественной реакции в виде интриг и заговоров, опиравшихся на гвардию как единственную оформленную политическую силу.

Большинство главных действующих лиц «эпохи дворцовых переворотов» — А.Д.Меншиков, И.А. и В.В.Долгоруковы, Д.М. и М.М.Голицыны, Б.Х.Миних; позднее А.Г. и К.Г.Разумовские, П.И. и А.И.Шуваловы, братья Орловы и другие, даже такие сугубо «штатские» деятели, как П.А.Толстой, Н.Ю.Трубецкой, Н.И.Панин, Я.П.Шаховской, — прошли через эту школу, т.е. служили в гвардейских частях или командовали ими. Вслед за царем и другие фигуры при дворе стремились найти опору в личных воинских частях. Личной гвардией Меншикова стал созданный им в 1703 г. Ингерманландский полк, пользовавшийся «всеми преимуществами императорской гвардии».⁴⁹

Однако перечисленные выше лица являли собой «генералитет». Сами полки гвардии к концу царствования Петра только наполовину были дворянскими (43,5 % по спискам 1723 г.), но среди унтер-офицеров и офицеров дворян было намного больше — 70–90 %. В рядах гвардейцев встречались выходцы из аристократических фамилий; но полковые списки чинов 1724–1725 гг. показывают, что подавляющее большинство служивых были мелкими и мельчайшими помещиками: так, в Семеновском полку 27 % дворян вообще не имели крепостных, а 50 % владели не более чем 1–5 дворами.⁵⁰ Они не слишком сильно отличались от сослуживцев-недворян — детей приказных, канцеляристов, однодворцев, церковников, дворцовых служителей.

Многим гвардейцам только личная храбрость, исполнительность и усердие позволили сделать карьеру, находясь «на баталиях и в прочих воинских потребах безотлучно». В 1704 г. сиротой из бедных новгородских дворян (на четверых братьев — один крепостной) начинал службу солдатом-добровольцем Преображенского полка Андрей Иванович Ушаков — и через десять лет стал майором гвардии и доверенным лицом царя по производству «розысков». Там же служил и земляк Ушакова Петр Максимович Ханыков. Карьера не задалась: к 1725 г. он дослужился только до сержанта⁵¹ — но, как и его удачливый сослуживец, стал одним из героев «эпохи дворцовых переворотов».

Для многих гвардейцев служба была единственной возможностью выслужить обер-офицерский чин и в редком случае «деревнишку» (при Петре I оделяли с разбором и скупой), а жалование — основным источником существования. Одни из них так и умирали «при полку»; другие выходили в отставку 60-летними солдатами, порой не имевшими ни одной

крепостной души. Что же касается политических взглядов и духовных запросов гвардейцев, то такие тонкие «материи» трудно уловить по служебным документам; но можно предполагать, что они не слишком вышались над представлениями массы служивых людей той эпохи, чьи главные «университетами» были походы и служебные командировки для подавления «бунтовщиков» и «понуждения» местных властей.

Полковые документы свидетельствуют о складывавшейся традиции наследственной службы, когда подраставшие «недоросли» просили зачислить их в полк, «где служат родственники мои». Поступившие же следили за продвижением на «убылые места», напоминали о выплате задержанного жалования, о повышении окладов, выдаче провианта; этот круг интересов отражен в делах и приказах по полкам. Там же фигурируют карты, вино и прочие походно-казарменные развлечения, после которых приходилось лечиться от «старой французской болезни», улаживать ссоры и выплачивать долги.

Судя по военно-судным делам, общие пороки петровской эпохи не миновали и гвардии. В 1728 г. ссыльный солдат Преображенского полка Григорий Бушинский с товарищами-гвардейцами подал прошение о помиловании; выписка по делу перечисляет весь традиционный набор грехов: присвоение жалования умерших и отставных, воровство, в том числе и охраняемого имущества, загул с многодневным «отлучением» из строя, пьянство, убийства, разбой. Из десяти челобитчиков только один солдат Семен Ижорин оказался грамотным.⁵²

При полках существовали школы; но в боях с внутренними и внешними врагами солдаты так и не смогли выучиться грамоте: за многих гвардейцев в бумагах расписывались грамотные сослуживцы. Немногие сохранившиеся записи на принадлежавших гвардейцам книгах свидетельствуют о традиционных вкусах: читали «Келейный летописец» Дмитрия Ростовского, Новый летописец, сочинения Сильвестра Медведева.⁵³ Но, как указывают пометы в списке Преображенского полка 1725 г., дети петровских офицеров уже получали иное образование: сыновья майоров Г.Д.Юсупова и С.А.Салтыкова учились во Франции, а отпрыски младших офицеров изучали «русскую и французскую грамоту», геометрию и фортификацию в Петербурге в «немецкой» и других школах.⁵⁴

Впрочем, даже из ближайшего окружения царя немногие могли подняться до его уровня понимания «государственной пользы». Одни из сподвижников ушли из жизни (Б.П.Шереметев, Ф.Ю.Ромодановский), другие попали в опалу или даже были казнены (М.П.Гагарин, А.П.Нестеров, А.В.Кикин, П.П.Шафиров, А.Д.Меншиков), третьи оставались верными слугами, но в душе противились многим его начинаниям (Д.М.Голицын, Ф.М.Апраксин). Непонимание и даже враждебность преобразовательным планам проникли в семью Петра, вследствие чего уже в 1715 г. перед ним встал вопрос о престолонаследии и сохранении политического курса.

«Дело» царевича Алексея и проблема престолонаследия

По распоряжению Петра I его сын от нелюбимой и сосланной в монастырь Евдокии Лопухиной в 1711 г. по воле отца вступил в брак с кронприн-

цессой Шарлоттой-Софией Брауншвейг-Вольфенбюттельской. В том же году сам царь «оформил» свои отношения с бывшей пленницей Мартой Скавронской, в крещении – Екатериной Алексеевной, причем царевич был ее крестным отцом. От брака царевича – ставки в дипломатической игре его отца – родилась дочь Наталья, а 12 октября 1715 г. – сын Петр.

Положение сына официального наследника российского престола сразу же оказалось под угрозой. Уже через 10 дней умерла его мать; а на следующий день Екатерина родила сына, тоже названного Петром. Характерно, что имя несчастной Шарлотты-Софии было использовано заграничными самозванцами: в Европе ходили слухи, что принцессу похитил влюбленный в нее кавалер и тайно обвенчался с ней во Франции, где в 1773 г. умерла некая дама, выдававшая себя за «бывшую российскую царевну». ⁵⁵ Узел династического спора завязался в тот момент, когда подходило к концу столкновение Алексея с отцом, «омерзение» к особе которого переросло у наследника в неприятие его преобразований. ^{55a}

Итогом был разыгранный в Кремле спектакль прощения и отречения от престола, затем следствие в застенках Тайной канцелярии, смертный приговор Верховного суда, связавший поручой виднейшей круговой сподвижников Петра и загадочная смерть в Трубецком раскате Петропавловской крепости. Однако, какими бы ни были последние часы и минуты жизни Алексея, в народном сознании царь вполне мог выглядеть убийцей сына. Ветераны петровской эпохи спустя много лет рассказывали собеседникам: «Знаешь ли, государь своего сына своими руками казнил», – как это сделал в 1749 г. солдат Навагинского полка в далеком Кизляре Михаил Патрикеев. ⁵⁶

Вплоть до недавнего времени эти события оценивались в нашей литературе как разгром реакционных сил, знаменем которых был Алексей. ⁵⁷ В немалой степени такой трактовке способствовало издание материалов «дела» Н.Г.Устряловым, который, как оказалось, весьма существенно правил текст документов, устранив из них информацию о сочувствовавших царевичу представителях петровской знати. ⁵⁸

Предпринятое недавно новое исследование «дела» показывает, что при дворе к середине 1710-х гг. сложились две противоборствовавшие «партии». Во главе первой стоял А.Д.Меншиков, другую возглавляло семейство Долгоруковых, приобретавшее все большее влияние на Петра I. К взрослому наследнику тянулись лица из ближайшего окружения Петра, в их числе фельдмаршалы Б.П.Шереметев и В.В.Долгоруков, сенаторы Я.Ф.Долгоруков и Д.М.Голицын. Эта «пассивная оппозиция» (А.В.Кикин, Д.М. и М.М.Голицыны, Я.Ф. и В.В.Долгоруковы, Б.П.Шереметев, царевич Василий Сибирский) готовилась перейти после кончины Петра от выжидания к активным действиям. С этой целью был разработан план, предусматривавший возведение Алексея на престол или утверждение его регентом при сводном младшем брате Петре. ⁵⁹

Некоторые авторы считают возможным охарактеризовать эту группировку как «умеренных реформаторов европейской ориентации». ⁶⁰ Выводы эти кажутся обоснованными применительно к таким личностям, как А.В.Кикин или В.В.Долгоруков. Однако, на наш взгляд, в кругу «сообщников» царевича были и люди, настроенные против всяких реформ. Едва ли стоит идеализировать и самого Алексея как политического деятеля.

Наряду с «разумными идеями» (отказ от имперской внешней политики) царевич мечтал, «не жалея ничего, достигнуть наследства», вплоть до использования военной помощи, которую обещал ему австрийский вице-канцлер граф Шенборн. Эти показания историки считают достоверными – тем более, добавим, что они не были «подсказаны» ему в вопросах следователей. К сожалению, последний из исследователей «дела» не сформулировал четко свою позицию относительно подлинности обвинений царевича в намерении захватить престол при живом отце. ⁶¹

Если представить себе последствия возможного вступления Алексея на престол (например, в случае внезапной смерти Петра), как бы сочетались его намерения опереться на духовенство (царевич рассчитывал, что архиереи и священники его «владельцем учинят»), не «держат» флот и передать российские войска и «великую сумму денег» в распоряжение Австрии с планами просвещенных реформаторов? Сами «оппозиционеры» отнюдь не были едины, и тот же Кикин специально хранил письмо царевича к В.В.Долгорукову «на обличение» последнего. Выступая против реформ отца, Алексей тем не менее унаследовал его темперамент: он мог пообещать посадить на кол детей канцлера Головкина и братьев Трубецких и всерьез собирался жениться на своей любовнице, крепостной Евфросинье: «Видь де и батюшко таковым же образом учинил». ⁶²

Из «дела» Алексея, как нам представляется, можно сделать вывод о том, что приход царевича к власти был чреват острыми политическими столкновениями в имперской верхушке с вероятными исходами как в виде дворцового переворота, так и ссылок или плахи для слыхом европейски ориентированных и самостоятельных вельмож. Но и избранный Петром «силовой» выход из кризиса вместе с устранением законного, в глазах общества, наследника обещал в будущем потрясения.

По воле царя Россия в 1718 г. присягнула новому наследнику – его сыну Петру Петровичу. Но в апреле 1719 г. он неожиданно умер, и четырехлетний сын казненного Алексея опять стал кандидатом на престол и объектом политических интриг: за ним начали пристально наблюдать иностранные дипломаты. ⁶³ В 1720 г. внук появляется на миниатюрном семейном портрете Петра I, исполненном Г.Муסיкийским, ⁶⁴ а в 1722 г. был заказан и исполнен портрет маленького Петра и его сестры, где дети изображены в виде Аполлона и Дианы.

В 1721 г. внимательный и хорошо информированный французский посол при русском дворе Жан Кампредон отмечал в своих донесениях в Париж: царь не исключает передачи престола внуку, но против этого возражает «партия принцесс» – дочерей императора. В том же году австрийский посол граф Кинский пытался заговорить с Петром о правах внука (единственный мужской отпрыск Романовых являлся «племянником» императора Карла VI Габсбурга: его жена была родной сестрой матери маленького Петра), и это немедленно стало известно французским дипломатам, опасавшимся усиления австрийского влияния. ⁶⁵ Вице-канцлер Шафиров успокаивал Кампредона: «<...> император, некоторые другие державы и даже кое-кто из наших хлопчат о назначении наследником внука царя, чего сам царь, сколько я могу судить, не желает. Отец этого

принца покушался на жизнь и на престол его царского величества: большая часть нынешних министров и вельмож участвовала в произнесенном над ним приговоре. К тому же весьма естественно отдавать преимущество собственным детям и, между нами, мне кажется, что царь назначает престол своей старшей дочери». ⁶⁶

Так в конце 1721 г. впервые в числе претендентов на престол была названа «цесаревна» Анна. Отныне ее имя стало упоминаться в донесениях послов наряду с другими наследственными комбинациями, включая брак Елизаветы с сыном царевича Алексея. В 1723 г. в числе претендентов появилась и жена Петра Екатерина, в качестве регентши при той же Анне. ⁶⁷ По данным прусского посла Густава фон Мардефельда назревало даже столкновение за престол между Анной и ее матерью. ⁶⁸

Выбор был нелегким, тем более что Петра не могли не беспокоить возможные интриги вокруг малолетнего монарха, имевшие место даже во Франции — стране с гораздо более прочными правовыми традициями. Царь не мог не знать, что завешание его «брата» Людовика XIV о передаче военного ведомства и ответственности «за безопасность, охрану и воспитание» нового короля своему незаконному сыну, герцогу дю Мэну, было отменено регентом Филиппом Орлеанским при поддержке высшего судебного учреждения (парламента). В августе 1718 г. на заседании парижского парламента в присутствии мальчика-короля Людовика XV оно было признано незаконным, а герцог снят со своих постов и удален из Парижа.

В конце того же года, когда решалась судьба царевича Алексея, Петр получал из Парижа донесения своего посланника барона Шлейнича о тамошнем «великом беспокоестве»: аресте испанского посла герцога Челламаре («князь Селламар») и виднейших французских вельмож — герцога Мэна, хранителя печати Д'Аржансона и других лиц. Как следовало из захваченных французскими властями документов посла, заговорщики стремились устранить регента и самого короля и передать трон другому внуку Людовика XIV — испанскому королю Филиппу V, который должен был вторгнуться с войсками во Францию. ⁶⁹

Австрийский император Карл VI еще в 1713 г. издал «Прагматическую санкцию», в которой провозгласил нераздельность всех наследственных владений Габсбургов и переход престола (при отсутствии наследников мужского пола) к своей дочери, будущей императрице Марии-Терезии. Особенностью этого документа стало последовательное его обсуждение и утверждение в сословных ландтагах всех земель австрийского монархии (Австрийских Нидерландах, Венгрии, Хорватии и собственно Австрии) в 1720—1723 гг. — как раз в то же время, когда Петр I решал для себя аналогичную задачу. До самого конца своего царствования Карл VI стремился обеспечить международные гарантии этого акта.

После долгих колебаний Петр утвердил в феврале 1722 г. первый в российской политической традиции закон о престолонаследии. Но этот важнейший правовой акт, по сути, провозглашал беззаконие — волю правящего на данный момент монарха назначать наследника по своему усмотрению и отменять уже состоявшееся назначение по причине «непотребства» кандидата: «Понеже всем ведомо есть, какою авессаломскою

злостью надмен был сын наш Алексей, и что не раскаянием его оное намерение, но милостью Божиею всему нашему отечеству пресеклось, а сие не для чего иного у него взросло, токмо от обычая старого, что большому сыну наследство давали... чего для заблигорассудили сей устав учинить, дабы сие было всегда в воле Правительствующего государя, кому оной хочет, тому и определит наследство, дабы дети и потомки не впали в такую злость, как выше писано, имея узду на себе».

Отменяя «недобрый обычай», Петр все же пытался отыскать прецедент в прошлом и ссылаясь при этом на великого князя Ивана III (1462—1505 гг.), который «не по первенству, но по воле же чинил и дважды отменял, усматривая достоинство наследника». ⁷⁰ Царь мог и не ведать, что борьба сторонников обоих претендентов (внука Дмитрия и сына от другой жены Василия) в 1497—1502 гг. сопровождалась заговорами, казнями и гибелью в темнице уже венчанного внука. Или знал — но верил в мощь созданной им государственной машины и беспрекословное подчинение всех его воле.

Вслед за столь революционным актом царь издал распоряжение о присяге будущему — не названному и не определенному — наследнику, что вызвало глухое сопротивление самодержавной воле в традиционной для России форме поиска истинного царя-наследника. К тому же богохульные забавы и небывалые перемены всего жизненного уклада при Петре вызвали подозрения в его происхождении: «Если б де он был государь, стал ли б как свою землю пустошить?» Но Петр был слишком неординарной личностью и его слишком часто можно было видеть «живьем», чтобы мог появиться двойник. Зато слухи о выстулении царевича Алексея против отца стали распространяться задолго до его казни: с 1715 г. стали появляться лже-Алексеи, а в 1724 г. объявилось сразу два претендента. ⁷¹

В 1722 г. во всех храмах империи по форме новой присяги вслед за Петром и его женой поминали всех возможных кандидатов: «<...> благоверные государыни цесаревны; благоверную царицу и великую княгиню Параскеву Федоровну и благоверного великого князя Петра Алексеича, и благоверные царевны великия княжны», — т.е. детей и внука самого Петра, а также жену и дочерей его брата Ивана, умершего в 1696 г. ⁷²

В столице дипломатический корпус с нетерпением ожидал известий о назначении преемника Петра, исходя при этом из своих интересов. Мардефельд и Кампредон предпочитали воцарение Анны Петровны, чтобы нейтрализовать поиски австрийских и саксонских дипломатов, отставивших кандидатуру сына казенного царевича Алексея. ⁷³ В 1723 г. началось дело монаха-капуцина Петра Хризологуса, который якобы по поручению австрийского двора «изыскивает идти для свидания с его высочеством». ⁷⁴

К концу 1723 г. Петр вроде бы решил остановить выбор на своей жене Екатерине. В ноябре был издан манифест о предстоявшей коронации Екатерины (по образцу «православных императоров греческих»), поскольку она «во многих воинских действиях, отложив немочь женскую, волею с нами присутствовала и елико возможно помогала». Едва ли Петр заблуждался насчет государственных способностей своей супруги; скорее, царь решил предоставить ей особый титул (независимо от брака) и

преимущественное право на престол в расчете на поддержку ближайшего окружения из числа новой петровской знати.

Церемония коронации состоялась в Москве в мае 1724 г. К этим дням восходит записанное много позже свидетельство голштинского министра Бассевича о заявлении Петра присутствующим в гостях у некоего английского купца, «что он коронует Екатерину для того, чтобы дать ей право на управление государством».⁷⁵ Французский же посол сообщил своему двору: «Весьма и особенно примечательно то, что над царицей совершен был, против обыкновения, обряд помазания так, что этим она признана правительницей и государыней после смерти царя, своего супруга», — но он же докладывал о «множестве недовольных», от которых можно ожидать «тайного заговора».⁷⁶

Однако удар постиг Петра с той стороны, откуда он, по-видимому, его не ожидал: 8 ноября 1724 г. был арестован управляющий канцелярией Екатерины Вилим Монс, и уже 15-го он был казнен — по официальной версии, за злоупотребления и казнокрадство. Современники же считали, что главной причиной была предосудительная связь императрицы с красавцем камергером. Имя императрицы, естественно, не упоминалось на следствии; тем не менее Петр повез жену смотреть голову казненного Монса, и — что более важно — разлад в семье имел политические последствия.

По данным австрийских дипломатов, Петр приказал опечатать драгоценности жены и запретил исполнять ее приказания.⁷⁷ Согласно свидетельствам капитана Ф. Вильбуа и французского консула Виллардо, в это время он уничтожил заготовленный было акт о назначении ее наследницей.⁷⁸ По мнению Кампредона, царица откровенно боялась за свое будущее, хотя и пыталась, как сообщал саксонский посланник Лефорт, вернуть расположение мужа и на коленях вымаливала у него прощение.⁷⁹

В это же время в очередную опалу из-за неутомимого казнокрадства попал Меншиков, которого Петр уже лишил поста президента Военной коллегии. Подметное письмо, оказавшееся справедливым, обвиняло во взяточничестве и других злоупотреблениях членов Вышнего суда сенаторов А.А. Матвеева и И.А. Мусина-Пушкина, генерала И.И. Дмитриева-Мамонова и кабинет-секретаря императора А.В. Макарова.⁸⁰ Меншикову и Макарову, пользовавшимся ранее поддержкой Екатерины, новые обвинения могли стоить головы; тем более что генерал-фискал Мякинин получил приказ «рубить все дотла» и в последнюю неделю жизни царя дважды, 20 и 26 января, докладывал Сенату о взятках и хищениях крупных чиновников.⁸¹

Сам же Петр явно не думал о скором конце: был полон планов, готовился после лечения и отдыха отправиться в Ригу⁸² и уже назначил с марта пятницу приемным днем по сенатским делам. Но царь так и не смог решить, на ком из наследников остановить выбор. Старшая дочь Петра Анна была в том же 1724 г. обручена с голштинским герцогом Карлом-Фридрихом. По условиям брачного договора Анна и ее муж отрекались от всяких прав на российскую корону; однако он имел секретную статью, согласно которой Петр имел право провозгласить своим наследником сына от этого брака (об этом немедленно стало известно французскому послу), которого, правда, надо было еще дождаться.⁸³

Предполагаемое завещание с именем наследника так и осталось, по выражению Мардефельда, «неразгаданной тайной». Царь медлил с принятием решений о наследстве и судьбе своих ближайших слуг. Стусавшаяся в Петербурге напряженность порождала тревожные слухи. Русский резидент Л. Ланчинский передавал в январе 1725 г. из Вены распространявшиеся там слухи о якобы совершенном покушении на царя: пуля пробила его кафтан; адмиралу Апраксину, «который подле его величества шел, обе ноги прострелили».⁸⁴

25–28 января 1725: неудавшийся компромисс

В декабре 1724 — январе 1725 г. Петр все чаще хворал и все больше времени вынужден был проводить дома. Шестого января на крещенском параде он последний раз стоял в строю своей гвардии; 14 января — появился на ассамблее у адмирала К. Крюйса и распорядился подготовить к плаванию 5 линейных кораблей и 2 фрегата Балтийского флота. С 17 января царь уже не покидал дворца.⁸⁵

Официальная версия дальнейших событий была составлена Феофаном Прокоповичем и сразу же напечатана за границей для опровержения «несовершенных повестей». Феофан, как «самовидец» событий, утверждал, что уже с 16 января болезнь «смертоносную силу возымела»; царь объявил о своем безнадежном состоянии окружающим и велел поставить рядом походную церковь. Затем Петр стал «изнемогать»; но здесь очевидец пропустил описание последующих дней и сразу перешел к событиям середины дня 27 января, когда у царя началась агония и придворные стали с ним прощаться.

По кончине царя 28 января к вечеру во дворце собрались члены Сената, генералитет и «нещии из знатнейшего шляхетства». После нескольких выступлений (имен Феофан не называл) о праве на трон уже коронованной Екатерины всем «без всякого сумнительства явно показалось, что сия императрица державу Российскую наследовала, и что не елекция делается, понеже уже наследница толь чинно и славно поставлена; чего для, дабы и конгресс тот не елекциею, но декларациею назван был, согласно все приговорили».⁸⁶

В этой версии заметно желание, во-первых, представить смерть Петра как образец последнего на этом свете служения государя и истинного сына церкви; во-вторых, показать единодушный и быстрый выбор («в едином часе все совершилось») его наследницы, — хотя не совсем понятно, кого же при таком согласии все-таки приходилось убеждать. В-третьих, очевидец привел вполне реалистические черты поведения и страданий Петра в последние часы его жизни и несколько раз подчеркнул, что тот еще вечером 27 января мог говорить, хотя и «засохлым языком и помешанными словами». Но при этом Феофан явно не считал нужным рассказывать о предшествовавших смерти императора событиях 25–26 января.

Более драматичную трактовку событий января 1725 г. дал в опубликованных еще в 1775 г. записках голштинский министр Геннинг-Фридрих фон Бассевич, оказавшийся в это время в самом центре событий вместе со своим государем. Для голштинца утверждение на престоле тещи свое-

го герцога было жизненно важным делом, поэтому его старания в ее пользу неудивительны; но в мемуарах он, не колеблясь, отводил себе главную роль в произошедших событиях.

Согласно Бассевичу, ему стало известно от генерал-прокурора Ягужинского о готовившемся заговоре, в результате которого «гибель императрицы и ее семейства неизбежна»: Екатерину с дочерьми якобы должны были заточить в монастыре. Бассевич немедленно явился к ничего не подозревавшей императрице и затем к Меншикову, после чего «два гениальных мужа» (так автор именовал себя и Меншикова) начали операцию по спасению растерянной Екатерины.

Светлейший князь агитировал офицеров гвардейских полков; министр же уговаривал царицу не робеть, а генерала Бутурлина — примкнуть к Меншикову, после чего лично дал знак гвардейцам появиться под окнами дворца. Заключительная часть рассказа Бассевича о речах сановников (Макарова и Феофана) в пользу Екатерины и ее провозглашении императрицей вполне совпадает с «Повестью» Прокоповича, что неудивительно, поскольку автор был знаком с ее немецким изданием.⁸⁷ Версия Бассевича о «заговоре» попала в биографию Петра I Вольтера и уже отсюда воспринималась читателями второй половины XVIII века, подобно И.И.Голикову.⁸⁸

Откровенное хвастовство Бассевича не заслуживало бы особого интереса, если бы он действительно не был участником — во всяком случае, очевидцем — происходивших событий. Именно Бассевич привел знаменитый рассказ о последней попытке Петра I назвать имя наследника: «Император пришел в себя и выразил желание писать, но его отяжелевшая рука чертила буквы, которых невозможно было разобрать, и после смерти из написанного им удалось прочесть только первые слова: “Отдайте все...” Он сам заметил, что пишет неясно, и потому закричал, чтоб позвали к нему принцессу Анну, которой хотел диктовать. За ней бегут, она спешит идти, но когда она является к его постели, он лишился уже языка и сознания, которые более к нему не возвратились».⁸⁹

Во-вторых, из его мемуаров, как бы к ним ни относиться, прямо следует, что никакого соглашения среди собравшихся не было; вопрос, кому быть преемником Петра, решался силой гвардейских полков. Оба эти положения прочно вошли в науку и стали неотъемлемой принадлежностью представлений о кончине первого российского императора, хотя первый издатель этого текста Бюшинг предупреждал, что сочинение Бассевича является не собственно мемуарами, а «французским извлечением из оставшихся после него бумаг».⁹⁰

К опубликованным еще более 100 лет назад депешам прусского, саксонского и французского посланников можно добавить выдержки из донесений их австрийского, голландского и датского собратьев. При этом надо иметь в виду, что эти материалы представляют собой сложный и «многослойный» источник; сами авторы нередко затруднялись отделить точные сведения от непроверенных толков и с течением времени корректировали высказанные ранее взгляды. Многие из приводимых ими фактов не имеют подтверждения в других источниках и не могут быть проверены.

Итак, с 17 января 1725 г. Петр почувствовал себя плохо. 19 января Кампредон и Лефорт сообщили о новом припадке болезни как о рядовом событии в числе прочих. Один из лечивших Петра врачей, итальянец Азарити, даже заверил французского посла, что опасности для жизни царя нет. Новые депеши обоих послов от 23 января также не содержали тревожных сведений; Кампредон писал об улучшении состояния больного от лечения «бальзамическими травами». Лефорт — правда, весьма неуверенно — передавал: «Вчера царь, кажется, написал завещание».⁹¹

На самом деле уже 19-го числа сам Петр или лица из его окружения предписали находившемуся в Москве А.А.Матвееву срочно выслать в северную столицу доктора Поликло, что было сделано «с величайшим поспешением» рано утром 23 января. Насчет завещания сказать что-либо конкретное трудно; во всяком случае, до 25 числа Петр был способен заниматься делами: «записная книга» кабинет-секретаря А.В.Макарова отмечает за эти дни собственноручные петровские «пометы» о выдаче денег из Кабинета ученикам у иноземных мастеров, «кухмейстеру» Яну Фелтену, солдатам «на бечевой работе» на Неве.⁹² Тогда же Петр распорядился выдать 260 рублей токарного дела мастеру Ф.Рейшу.⁹³ После 25 января о «пометах» такого рода в документах Кабинета не сообщается.

Тревожные ноты появились в донесении Кампредона от 26 января: в ночь с субботы на воскресенье (т.е. с 23 на 24 января 1725 г.) наступило обострение болезни; и в понедельник 25 января врачи решились на операцию, принесшую лишь кратковременное облегчение. С утра среды состояние больного уже стало внушать опасения — и не только послам. От страшных болей Петр «неумолчно кричал и тот крик далеко слышен был», как вспоминал Никита Кашин.⁹⁴ В этот день была объявлена первая амнистия осужденным на каторгу, за исключением обвинявшихся «по первым двум пунктам».

Французский и голландский дипломаты 26 января сообщали о состоявшемся в середине дня заседании Сената и президентов коллегий, где речь шла о присяге и форме правления при малолетнем сыне царевича Алексея. То же самое передал в Вену секретарь австрийского посольства Гогенгольц; в том, что «все было улажено в пользу великого князя», был уверен и шведский посол Цедеркрейц за сутки до смерти Петра.⁹⁵ Маленький Петр Алексеевич, таким образом, становился законным наследником императора при отсутствии явно выраженной воли последнего. О ней же никаких сведений не поступало. Кампредон в той же депеше от 26 января и Лефорт в донесении от 30 января вполне категорично утверждали, что царь не сделал никаких распоряжений на этот счет. Кроме того, французский посол сообщал о наличии двух «партий» и предполагаемом соглашении между ними при условии, если Екатерина «будет правительницей вместе с Сенатом».⁹⁶

Подводя итог этого наполненного событиями дня, можно (при всей искаженности и неполноте попадавшей к дипломатам информации) предположить, что кризис в состоянии больного императора наступил лишь к 25 января, и тогда не решенный прежде вопрос о наследнике неизбежно должен был привести к противоборству придворных «партий». В течение 25–26 января,

как можно судить из представленных донесений, наметился компромисс между сторонниками Петра II и Екатерины. Такой поворот событий должен был утвердить на троне законного в глазах большинства населения наследника и, возможно, ограничить авторитетом высшего государственного органа — Сената — власть регентши Екатерины и ее ближайшего окружения.

Но согласие, если оно и было, продолжалось недолго. В тот же день 26 января, как сообщил голландец де Вилде, дворец был окружен стражей; тут же разнеслись слухи о смерти Петра, которую намеренно скрывают, что можно объяснить изоляцией умиравшего царя.⁹⁷ Из журнала протоколов Сената за январь 1725 г. следует, что 27 числа на заседание явились не присутствовавшие ранее Д. М. Голицын и И. А. Мусин-Пушкин; они же вместе с П. А. Толстым раньше всех покинули присутствие и поспешили во дворец, где решалась судьба трона.⁹⁸ Но у постели Петра постоянно дежурили, по сообщению Кампредона, преимущественно сторонники Екатерины: Ягужинский, Меншиков, Толстой, Апраксин, Репнин и канцлер Головкин — хотя два последних, как видно из позднейших донесений, проявили колебания в вопросе о престолонаследии. Все источники единогласно утверждают, что не отходила от царя и сама Екатерина.

Феофан говорит лишь о начавшемся во второй половине 27 января прощании с умиравшим Петром. Повествование же Бассевича о заговоре **против** Екатерины явно не соответствовало действительности. Ограниченную в правах регентшу и ее дочерей свергать не было никакой необходимости. Заговор — если он и имел место — был организован именно в пользу **самодержавия** Екатерины для устранения сына Алексея и любых ограничений власти императрицы. Именно с этой целью действовали в ночь с 27 на 28 января Меншиков, Толстой, Ягужинский, Макаров, их адъютанты и доверенные лица, в том числе и Бассевич.

В утренней депеше 28 января Кампредон (он торопился отдать ее шведскому послу для отсылки по своим каналам) сообщил о смерти Петра I, еще не зная подробностей: он писал, что именно в тот момент во дворце шла борьба двух группировок вокруг трона, и он только что «получил уведомление, что восторжествует, кажется, партия царицы».⁹⁹ Последующие депеши были отправлены им и его коллегами уже 30 января, когда дипломатический корпус был официально извещен о смерти императора и начале нового царствования, а посланники спешили передать своим дворам собранные ими подробности.

Французский и прусский послы к тому времени уже располагали важной информацией о событиях, и текст их депеш оказался при сличении почти идентичным, что ясно даже из перевода:

Кампредон:
«Орудием всего этого явился князь Меншиков, склонивший на сторону императрицы гвардейский полк. Как только император простился с ними, Меншиков повел всех гвардейских офицеров к императрице, которая напомнила им, как много делала всегда для

Мардефельд:
«Орудием в этом деле послужил ей князь Меншиков, склонивший на ее сторону гвардейские полки, которые питали к покойному императору бесконечную любовь и почтение. Как только царь простился с гвардейскими офицерами, Меншиков повел их всех к императрице. Пос-

них, как заботилась о них в походах, и выразила надежду, что они не покинут ее в несчастье. Тогда они все принесли присягу в верности императрице и со слезами поклялись ей, что скорее дадут себя изрубить в куски у ног ее величества, чем позволят возвести на престол кого-либо иного.

Между тем Меншиков, не теряя времени, до самой кончины императора работал ревностно и поспешно, склоняя в пользу императрицы гражданские и духовные чины государства, собравшиеся в императорском дворце. Князь не жалел при этом ни обещаний, ни угроз для своей цели. Он примирился со своими врагами и уверял всех, что не преследует никаких корыстных целей, а только решил поддержать семью своего императора до последней капли крови. Бассевич также много поработал для своего государя в этом случае, от которого зависело все счастье герцога Голицинского. И министр этот действовал так искусно, что успел примирить Ягужинского с Меншиковым и убедил его объявить себя за императрицу.

К моменту кончины императора все меры были уже приняты; и когда сенаторы, министры, генералы и несколько епископов собрались на совет, им объявили, что так как понесенная всеми потеря вынуждает их подумать о новом правлении, то они прежде всего должны вспомнить, в чем присягали императрице касательно престолонаследия. Затем прочтены были самая присяга и подробное разъяснение ее...»
(Сб. РИО. Т. 52. С. 428–429).

ледня представила им, что она сделала для них, как заботилась об них во время походов, и что, следовательно, ожидает, что они не оставят ее своей преданностью в несчастии. На это поклялись они под сильным плачем и стоном ее величеству, что все они лучше согласятся умереть у ее ног, чем допустить, чтобы кто-то другой был провозглашен.

В продолжение остального времени, до кончины императора, старался князь Меншиков с чрезвычайной бдительностью и умом склонить на сторону императрицы духовные и светские сословия, бывшие все время собранными в царских палатах. Для этого он употреблял обещания и угрозы, примирился со всеми врагами и постоянно и твердо утверждал, что он этим не думает выиграть что-нибудь лично для себя, а желает поддерживать до последней капли крови права императорского семейства.

Фон Бассевич также принимал в этом деле горячее участие, так как от него зависит благополучие его господина. Он работал день и ночь, чтобы помочь склонить к нему сенаторов и министров, и ему действительно посчастливилось помирить Ягужинского с Меншиковым и привлечь его на сторону императрицы.

Чрез это дела расположились так, что тотчас после кончины императора сенаторы, министры и генералы, а также некоторые из епископов держали совет, в котором речь клонилась к тому, что так как после столь великой потери необходимо приступить к утверждению другого правительства, то они все должны помнить, какую клятву давали императору касательно престолонаследия. После этого была прочтена присяга и акт о правах на престол...»
(Сб. РИО. Т. 15. С. 252–253).

Далее столь же сходно в обоих документах продолжался рассказ о том, как кабинет-секретарь Макаров доложил собравшимся об отсутствии какого-либо письменного завещания Петра, и все единогласно постановили считать Екатерину самодержавной императрицей на основании акта ко-

ронации как последней воли Петра I. Был подписан соответствующий документ, после чего Екатерине принесли присягу — сначала собравшаяся во дворце знать, а затем гвардейские полки; причем «некоторые гвардейские офицеры в сильном волнении кричали, что если совет будет против императрицы, то они разможат головы всем старым боярам». Затем шли известия об отправке в Москву для приведения к присяге И.И.Дмитриева-Мамонова, посылке соответствующей инструкции в украинскую армию М.М.Голицына и подготовке похорон императора. На этом одинаковый текст в депешах обрывался, и обе они заканчивались авторами уже «от себя», но без существенных подробностей по интересующему нас вопросу.

Происхождение одного и того же текста в донесениях Кампредона и Мардефельда объяснимо. В августе 1725 г. Франция и Англия создали враждебный России и Австрии Ганноверский союз и вовлекли в него бывшую союзницу России — Пруссию. Отношения между Версалем и Берлином уже и в начале 1725 г. допускали взаимный обмен информацией послов, ибо только так можно объяснить почти полное сходство текста на разных языках. Скорее всего, именно Мардефельд получил информацию от Кампредона, а не наоборот; депеши французского посла вообще выгодно отличаются от сообщений его собратьев полнотой и богатством подробностей: помимо Бассевича и Ягужинского, у Кампредона был и иной источник информации — дворянин Алексей Юров из окружения царицы.¹⁰⁰

Изучение этого «совместного» документа показывает, что «партия» Екатерины предприняла активные меры, чтобы склонить на свою сторону гвардию и колеблющуюся часть знати, и это ей вполне удалось. Явно выделена ведущая роль Меншикова в этом деле при поддержке Бассевича; голштинца и Кампредон, и Лефорт, и Гогенгольц упоминают в числе своих основных информаторов.

Однако в тексте нет ни слова о «заговоре», якобы угрожавшем Екатерине, и вообще ничего не говорится о выступлении полков, в котором Бассевич, судя по его мемуарам, отводил себе одну из главных ролей. Кроме того, приведенный рассказ обходит несомненно имевшиеся столкновения во дворце; в противном случае непонятно, кому угрожал Меншиков, каким «боярам», и почему хотели рубить головы офицеры — ведь ни о каком сопротивлении в тексте речи нет.

Это обстоятельство можно объяснить тем, что голштинский министр и не стремился выдумывать перед осведомленными собеседниками того, чего не было; ложь о заговоре он позволил себе только в мемуарах. Кроме того, подобная информация могла поступать и от кого-то из русских вельмож, прекрасно знавших, что жизни Екатерины ничто не угрожало, и не заинтересованных в том, чтобы до конца раскрывать перед иностранным дипломатом острые конфликты (вплоть до применения силы) внутри российского двора. Как следует из предыдущих депеш Кампредона, таким ценным информатором являлся для него Ягужинский.

Цитированную выше депешу Кампредон послал на имя короля. Но в тот же день 30 января французский посол отправил своему начальнику графу Морвилю еще одно, более подробное послание с отличающимися от первого сведениями. Именно здесь впервые оппозиция Екатерине об-

рела лицо: Кампредон назвал имена президента Юстиц-коллегии П.М.Апраксина (младшего брата генерал-адмирала Ф.М. Апраксина), сенатора Д.М.Голицына, фельдмаршала и президента Военной коллегии Н.И.Репнина и видного дипломата В.Л.Долгорукова, которые, по его сведениям, стремились возвести на престол Петра II, а Екатерину оставить правительницей вместе с Сенатом.¹⁰¹ Этих же лиц назвал в своем донесении от 2 февраля Гогенгольц.¹⁰² Голландский (в марте) и датский (уже в июле 1725 г.) послы добавили имена графа И.А.Мусина-Пушкина — президента Штатс-контор-коллегии и канцлера Г.И.Головкина.¹⁰³

Подобная позиция авторитетного руководства государственного аппарата (сенаторов и президентов коллегий) выбивала почву из-под ног «высочек», обязанных своей стремительной карьерой покровительству императора и не имевших прочной опоры в правящих кругах. Напомним, что Меншиков находился под следствием, уступив Репнину президентский пост в Военной коллегии; Толстой ведал политическим сыском (Тайной канцелярией) в Петербурге, а Ягужинский был поставлен Петром в качестве «ока государева» над Сенатом.

Вопреки часто встречающимся утверждениям, в январе 1725 г. развернулась борьба не между «боярами», сторонниками сына царевича Алексея с одной стороны и продолжателями петровских реформ с другой. Представители обеих «партий» поставили свои подписи под смертным приговором Алексею — в том числе Д.М.Голицын, братья Апраксина и И.А.Мусин-Пушкин.¹⁰⁴ В январе 1725 г. противников разделяло другое: новым петровским дельцам грозило не только отстранение от власти, которой они были обязаны всем; ее новая конструкция была принципиально противоположна их представлениям. Поэтому Меншикову и другим «выдвиженцам» пришлось отложить старые счета и пойти на «незаконные» меры силового характера.

Пока дипломат Толстой во дворце еще при жизни Петра «агитировал» собравшихся «персон» первых рангов, решительный Меншиков и старый петровский генерал И.И.Бутурлин действовали иными средствами. Надо полагать, что не без их ведома в дворцовых покоях появились «с намерением» гвардейские офицеры.

В самом же дворце в ночь с 27 на 28 кипели страсти. Д.М.Голицын и его сторонники (а их, видимо, было немало — ведь ради четырех-пяти человек не стоило приводить офицеров) отстаивали свой проект: «Правительницей должна быть царица вместе с Сенатом» при «необходимости объявить наследником престола великого князя, усматривая в том единственное средство сохранить спокойствие и избежать междоусобной войны», — как передал эту позицию со слов своих информаторов Кампредон. Феофан в своем сочинении привел высказывание сомневающихся в правах Екатерины: «И в протчих народах царицы коронуютца, и для того наследницами не бывают».

Им возражал Толстой: «В том положении, в каком находится Российская империя, ей нужен властелин мужественный, опытный в делах, способный крепостью своей власти поддержать честь и славу, окружающие империю... Все требуемые качества соединены в императрице: она при-

обрела искусство царствовать от своего супруга, который поверял ей самые важные тайны; она неоспоримо доказала свое героическое мужество, свое великодушие и свою любовь к народу, которому доставила бесконечные блага вообще и в частности, никогда не сделавши никому зла; причем права ее подтверждаются торжественной коронацией, присягою, данной ей всеми подданными по этому случаю, и манифестом императора, возвещавшим о коронации».¹⁰⁵

Примечательно, что в этих речах, даже если они изложены Кампредоном не с протокольной точностью, верно показан принцип подхода к власти противников и сторонников воцарения Екатерины: для последних на первом месте стояли личные достоинства монарха (не всегда соответствующие реальной личности императрицы), а аргументы государственно-правового порядка — на последнем. Для «команды» Толстого и Меншикова личность самодержца была явно выше любого закона, тогда как их противники отстаивали преимущество законных учреждений и традиций над «силой персон». Опытный дипломат Толстой умело использовал слабые места своих оппонентов: он указал на отсутствие каких-либо законов, устанавливавших возраст совершеннолетия государя, вследствие чего «часть вельмож и большинство невежественного народа непременно возьмут его [Петра II. — *И. К.*] сторону», отчего последуют «заговоры и мятежи».

Согласно общепринятой версии событий, «политичные» аргументы не слишком помогали, и тогда под окнами дворца раздался грохот барабанов подошедших гвардейских полков. После чего прозвучал широко известный из тех же мемуаров Бассевича диалог: «Что это значит? — вскричал князь Репнин, — кто осмелится давать подобные приказания помимо меня? Разве я больше не главный начальник полков? — Это приказано мною, без всякого, впрочем, притязания на ваши права, — гордо отвечал генерал Бутурлин, — я имел на то повеление императрицы, моей всемогущественнейшей государыни, которой всякий верноподданный обязан повиноваться и будет повиноваться, не исключая и вас».¹⁰⁶

Однако близкие ко двору и целенаправленно собиравшие сведения современники почему-то не заметили такой картины, как ночной марш поднятых по тревоге полков ко дворцу и их появление перед спорящими министрами.

Кампредон сообщал об увеличении караула и, как уже говорилось, о появлении во дворце одних офицеров; только об угрозах с их стороны (А.И.Ушакова) упоминал в донесении и Гогенгольц.¹⁰⁷ Голландский дипломат подчеркивал мирный характер перехода власти: «Наутро после смерти царя духовные и светские чины немедленно признали Екатерину своей законной государыней, возобновив присягу, данную во время ее коронации; то же сделали и коллеги, генералы, офицеры и гвардия; так что, благодаря Бога, такое великое государственное событие произошло совершенно мирно, без смут и затруднений». С ним были согласны в своих донесениях и саксонский посол Лефорт, и австриец Гогенгольц.¹⁰⁸

«Все обошлось мирно и тихо, что прежде, как хорошо известно из истории прошедших времен, здесь редко случалось при кончине государей»,

— так описывал переход власти другой слуга герцога Голштинского, камер-юнкер Ф.Берхгольц. Казалось, голштинский камер-юнкер должен был подтвердить рассказ Бассевича; но он отметил только, что возле дворца «поставлены были две гвардейские роты с ружьями, а на всех прочих местах размещены крепкие караулы», тогда как сами полки были размещены «в трех различных местах».¹⁰⁹ Вероятно, наличием этого усиленного караула дело и обошлось. Судя по записи в журнале приказов по полку от 28 января им являлся сводный отряд из всех рот в количестве примерно 200 человек.

Сохранившийся журнал приказов по Преображенскому полку за январь 1725 г. не отмечает никаких распоряжений о сборе рассеянного по квартирам полка. Единственный приказ от 27 января предписывал офицерам объявить в ротам, что государь «недомогает», чтобы они «как возможно Господу Богу о здравии его молились».¹¹⁰ Можно предположить, что в суматохе формальности могли и не соблюдаться. Но полковые документы для внутреннего употребления все же могли сохранить хоть какие-то необходимые распоряжения. Тем более что пропусков и подчисток в журнале нет, и ниже сразу следует изложение утреннего приказа от 28 января о сборе караула «у почтового двора».

Январское противостояние еще не было «типичным» дворцовым переворотом». После 1725 г. гвардейцы, действительно, не раз устраняли неугодных правителей и утверждали у власти новых; но в ночь с 27 на 28 января 1725 года они, по-видимому, оставались на квартирах. Позднее привычными к «дворским бурям» современниками все представлялось уже иначе. Сочинявший свои мемуары в 60-х годах XVIII века фельдмаршал Миних, несомненно под воздействием опыта позднейших «революций» писал, что Меншиков с гвардейцами отправился «прямо в императорский дворец, выломал дверь в залы, где заседали сенаторы и генералы, и объявил Екатерину... императрицей».¹¹¹

На самом деле во дворце продолжались споры. Тогда в ход пошли уже не дипломатические аргументы, а прямые угрозы. Здесь и пригодились гвардейские офицеры, о поддержке которыми кандидатуры Екатерины единогласно сообщают донесения Кампредона, Гогенгольца, Мардефельда и мемуары Бассевича и Ф.Вильбуа. Согласно Кампредону, гвардейские офицеры приходили к Екатерине еще во время болезни Петра. По данным Мардефельда, Бутурлин заставил собравшихся замолчать, «объявив им прямо и резко, что гвардия не хочет другого повелителя, кроме императрицы». По информации Гогенгольца и датского посла Вестфалена, от имени гвардии выступил А.И.Ушаков: «Гвардия желает видеть на престоле Екатерину и... она готова убить каждого, не одобряющего это решение».¹¹²

Подполковник и майор гвардии провозгласили в дворцовых стенах право Екатерины на власть. Но о позиции массы офицеров и солдат гвардии у нас данных нет, чтобы уверенно утверждать о сознательном выборе того кандидата, который мог, по ее разумению, эффективнее править страной. Однако можно, вслед за Л.Н.Толстым в его ненаписанном романе о послепетровской эпохе, предполагать в Андрее Ивановиче Ушакове (и подоб-

ным ему служакам) определенный тип личности и поведения: «Преданность слепая. Сангвиник. Вдали от интриг. Счастливо кончил. Выведывать мастер. Грубая внешность, ловкость».¹¹³ Сделавший стремительную карьеру выходец из бедной дворянской семьи был готов выполнить любой приказ своего императора с полным душевным спокойствием — так же, как он шутил в письме к своему начальнику по Тайной канцелярии П.А.Толстому: «Кнутом плутов посекаем да на волю отпускаем». Сделать выбор для него, как и для многих других гвардейских «выдвиженцев», было нетрудно; скорее, даже проблемы этого выбора для него и не существовало. Премущество «полковницы» было очевидно и осознано: она и при жизни Петра способствовала карьере некоторых офицеров, а рядовым от ее имени не раз отпускалось вино с Петербургского кружечного двора.¹¹⁴

Одним из последних распоряжений Петра (или сделанным уже от его имени) стало объявление от 27 января об амнистии гвардейцам, отдельной от общегосударственной. По ней только в Семеновском полку от наказаний был освобожден 21 человек, а в Преображенском смерть Петра избавила от расстрела насильника-писаря Василия Ростовцева.¹¹⁵

Кампредон сообщал: в критический для нее момент императрица нашла время беседовать с гвардейскими офицерами, рассылала деньги полкам столичного гарнизона и обещала гвардии выплатить жалование из собственных средств; об обращении Екатерины к собравшимся во дворце чинам передавал и де Вилде.¹¹⁶

О том, что в кабинете царицы были «приготовлены векселя, драгоценные вещи и деньги», вспоминал позднее и Бассевич. Датский посланник Вестфален называл даже суммы, полученные в ту ночь участниками возведения императрицы на престол: Бутурлину якобы досталось 10 тысяч червонцев, майорам гвардии по 5 тысяч, а рядовым — по 25 рублей.¹¹⁷ Гогенгольц оценивал «восхождение Екатерины на престол» в 50 тысяч талеров.¹¹⁸

По-видимому, дипломаты несколько завысили «стоимость» успешного воцарения императрицы; но сохранившиеся материалы Кабинета дают возможность ее определить. Кажется, что и противники, и сторонники Екатерины стремились заручиться поддержкой гвардии. Во всяком случае, 27 января Сенат распорядился выдать гвардии 50 тысяч рублей из касс разных ведомств. По этому указу штатс-комиссары К.Принценстерн и И.Мякинин должны были выдать гвардейским полкам почти 17 тысяч рублей; 27 января эти чиновники как раз собирали необходимую сумму, но найти ее вовремя, по-видимому, не смогли.¹¹⁹

В тот же день из Кабинета Екатерины вышел другой указ за подписью кабинет-секретаря Макарова: о немедленном получении на гвардию 20 тысяч рублей из находившегося в ведении того же Кабинета «комиссарства соляного правления»; именно оттуда они были выданы на руки майору гвардии А.И.Ушакову, а еще 3 тысячи рублей были получены 1 февраля сержантом Преображенского полка Сильвестром Безобразовым.¹²⁰ После воцарения Екатерины быстро нашлись недостающие средства: в итоге уже 30 января гвардейские полки получили 50 тысяч рублей — впрочем, являвшиеся не наградой, а задержанным за майскую и сентябрьскую треть 1724 г. жалованием.¹²¹

К моменту смерти Петра I в Кабинете имелась сумма в 36123 рубля, а также монеты иностранной чеканки и «портреты с алмазы»; но Екатерина повелела выдать указанные выше 23 тысячи рублей «заимно», т.е. с последующим возвратом из общегосударственной казны. Но из тех же личных средств императрицы еще 7414 рублей были издержаны «на некоторые чрезвычайные расходы».¹²² Кое-какие из них можно раскрыть. Согласно «записным книгам» кабинетских расходов, оттуда последовали выплаты «на некоторые нужные и тайные дачи»: майор гвардии и управляющий Тайной канцелярией А.И.Ушаков получил больше всех — 3 тысячи рублей; генерал Бутурлин — 1500 рублей; согласно другому указу, майорам С.А.Салтыкову и И.И.Дмитриеву-Мамонову выдали по тысяче рублей.¹²³

В апреле 1725 г. об особой награде попросили 27 солдат-преображенцев во главе с сержантом Петром Ханыковым за то, что они стояли «на карауле у императорского величества бессменно генваря с 14 по 29 число». За особо важные труды в нужное время и в нужном месте сержант получил 50, а рядовые — по 25 рублей.¹²⁴

С обоими гвардейцами — майором Ушаковым и сержантом Ханыковым — мы еще встретимся на страницах этой книги. Через полтора десятка лет накопленный опыт научит одного из них мудрой осторожности, а другому предоставит возможность совершения очередной «революции»; им придется встретиться в застенках Тайной канцелярии. Пока же они действовали заодно — и вместе, но по чину делили награды. Три тысячи рублей из фондов Коллегии иностранных дел получил «секретно» и граф Бассевич.¹²⁵ Согласно итоговому подсчету, воцарение Екатерины обошлось кабинетской казне примерно в 30 тысяч рублей — относительно небольшую сумму в сравнении со «стоимостью» последующих переворотов.

Судя по приведенным выше свидетельствам, поведение царицы в роковую ночь не вполне соответствовало образу убитой горем вдовы, которую с трудом оторвали от тела мужа и под руки повели царствовать, как она изображена у Бассевича и Феофана. Отголоски январских споров остались не только в дипломатических депешах: о них упоминали в своих записках адмирал Вильбуа, собиравший устную историю петровской эпохи И.И.Голиков,¹²⁶ о них же косвенно сообщал и Феофан Прокопович, передавая безадресные увещательные речи в пользу Екатерины.

Но присутствие гвардейских офицеров делало тактику «выкручивания рук» более эффективной. К 4 часам утра (по Кампредону) после выступлений и угроз со стороны гвардейцев дрогнули фельдмаршал Репнин и канцлер Голловкин.¹²⁷ Последний, как считали Вестфален, Лефорт, Гогенгольц, де Вилде и Ф.Вильбуа, призывал отложить обсуждение вопроса о престолонаследии с тем, чтобы «решение предоставить народу» и подтвердить сделанный выбор «голосованием всех сословий».¹²⁸ Можно предполагать, что речь шла о передаче окончательного решения о престолонаследии не на «улицу», а в более широкую коллегия из представителей «генералитета» и, возможно, «шляхетства»; на это предложение и последовала приведенная выше угроза Ушакова. Вслед за ними и остальные вынуждены были признать новую политическую реальность. По сообщению де Вилде, П.М.Апраксину «даже не дали договорить, так что от испуга с ним вчера сделался удар».

Противоборство сторон, похоже, оттеснило на второй план умиравшего императора. Не случайно Феофан в своем сочинении подчеркивал, что судьба трона решалась после смерти Петра I; на самом деле схватка «партий» шла (по запискам Бассевича и донесениям Кампредона и де Вилде) еще при жизни императора, скончавшегося в центральном зале на втором этаже своего Зимнего дворца около 5 часов утра.¹²⁹

Современников не случайно волновало отсутствие до самого последнего момента распоряжений относительно наследника. Недостоверность истории с неразборчиво написанными словами «отдайте все...» убедительно показал Н.И. Павленко: ее автор — Бассевич — явно старался подчеркнуть права на престол супруги своего герцога. Сам рассказ выглядит не слишком логичным: зачем было Петру звать Анну, чтобы продиктовать ей имя наследника, если его можно было просто объявить окружающим?¹³⁰ Так или иначе, у Петра в течение 26–27 января было достаточно времени, чтобы объявить свою волю. Эти вопросы породили слухи об «искусственных мерах», сокративших жизнь императора, встречающиеся в сочинениях иностранцев и, вероятно, отсюда перекочевавшие в некоторые современные версии смерти Петра.¹³¹

На наш взгляд, объяснение содержится в донесении Гогенгольца: он еще 26 января указывал, что Меншиков и его сторонники сумели настолько изолировать Петра, что никакое его «устное распоряжение в ущерб Екатерине не могло иметь успех». Это же подтверждал и Кампредон, докладывавший 30 января, что Екатерина и близкие ей люди намеренно не говорили Петру о завещании, чтобы «твердость духа, подавленная бременем страданий, не побудила его изменить как-нибудь свои прежние намерения».¹³² Принятые меры — «бессменный» караул сержанта Ханькова среди них — исключали какую-либо случайность, в том числе и волю самого императора; Кампредон передавал рассказ об угрызениях совести царя и его словах о том, что «принес свою кровь в жертву»...

Возможно, умиравший пытался в последний раз подчинить события своей воле — но на это у него уже не было сил, а ни одна, ни другая «партия» не были заинтересованы в том, чтобы Петр назвал имя наследника. Сторонники Екатерины Феофан и Бассевич ни разу не упоминали о том, что в последние часы жизни император вручил престол супруге: в обоих сочинениях необходимость воцарения Екатерины доказывается речами вельмож и ссылками на коронацию 1724 г. Как передавал в Вену Гогенголец 26 января 1725 г., и сторонники Петра II в случае, если умиравший попытался назвать иного преемника, должны были «отправиться к нему в комнату и воспрепятствовать такому распоряжению».^{132a} В созданной трудом всей жизни Петра системе не оказалось ни четких правовых норм, ни авторитетных учреждений, чтобы обеспечить твердую преемственность власти. На первый план выходило личное начало, пресловутая «сила персон».

Бурные ночные события завершились присягой собравшихся «чинов» около 8 часов утра (по дневнику Берхгольца и депеше Лефорта от 30 января) — именно тогда ко дворцу подошли гвардейские полки; Кампредон же передал, что гвардия присягала в крепости несколько часов спустя.

Первый манифест нового царствования извещал о вступлении на престол Екатерины по воле самого Петра, «понеже в 1724 г. удостоил короною и

помазанием любезнейшую свою супругу и великую государыню нашу императрицу... за ее к российскому государству мужественные труды». При этом сам манифест был издан не от имени Екатерины: присягать новой государыне «правительствующий Сенат и святейший правительствующий Синод и генералитет согласно приказали», что весьма походило на слегка замаскированное избрание монарха теми, кто обладал реальной властью. Впрочем, французский путешественник Обри де ла Мотрэ, побывавший в Петербурге осенью 1726 г., уже застал сформировавшуюся официальную версию о том, как умиравший Петр сам объявил о необходимости присяги Екатерине.¹³³

Завершением ночной эпопеи можно считать сообщение Вилле де Вилде в донесении от 3 марта, что после описанных выше событий подполковник Преображенского полка И.И. Бутурлин с майорами Г.Д. Юсуповым и А.И. Ушаковым отправился в Сенат, «где и объявили себя сенаторами в целях противодействовать, в случае надобности, принятия с его стороны мер, направленных против царицы». Была ли это самостоятельная «операция» высших офицеров гвардии или они действовали уже по приказу новой императрицы, — сказать сейчас трудно. Но уже на первом в новое царствование протоколе заседаний Сената от 30 января 1725 г. появились подписи А.Д. Меншикова и Г.Д. Юсупова (последний принимал участие в работе Сената и до болезни царя), а со 2 февраля в Сенате появился А.И. Ушаков.¹³⁴

Первый в XVIII столетии кризис власти и способ его разрешения показали, что в столкновении высшей гражданской бюрократии и энергичных «птенцов» Петра последние одержали победу. «Дух» неограниченного самовластия Петра восторжествовал над «буквой» — его же стремление обеспечить прочный правовой порядок в новом государственном механизме. В итоге спор решился в пользу наиболее организованной группы петровской знати при активном выступлении части гвардейского офицерства, которая поддержала Екатерину и Меншикова как символ петровского наследия и продолжения прежнего курса. Но на самом деле петровская эпоха подошла к концу. Предстояло подводить итоги и намечать дальнейший путь.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ради мира с турками и подвластным им Крымом посланцам Российской империи приходилось и в конце петровского царствования в качестве «поминков» возить в Крым «мягкую рухлядь», как делали это русские дипломаты в XVI–XVII вв. (см.: АВПРИ. Ф.123. Оп.123/1. 1725 г. № 1. Л.9–9 об.).

² Там же. Ф.79. Оп.79/1. 1725 г. № 6. Л.6 об.-7.

³ РГАДА. Ф.7. Оп.1. № 6. Ч.10. Л.248,253–253 об.

⁴ См.: *Бакланова Е.Н.* Крестьянский двор и община на русском Севере. М., 1976. С.129,193–194; *Калесников П.А.* Северная деревня в XV — первой половине XIX в. Вологда, 1976. С.118,120,124.

⁵ См.: *Волков М.Я.* Города Верхнего Поволжья и Северо-Запада России. Первая четверть XVIII в. М., 1994. С.225–229.

⁶ См.: *Воскресенский Н.А.* Законодательные акты Петра I. М.-Л., 1945. Т.1. С.364–362. Петр не только лично рассматривал доносы, но и сам присутствовал при допросах и выслушивал по утрам в пятницу доклады своих главных следователей — П.А.Толстого и майора гвардии А.И.Ушакова (см.: *Веретенников В.И.* История Тайной канцелярии петровского времени. Харьков, 1910. С.41,112,123; *Воскресенский Н.А.* Указ. соч. С.367,404–405).

⁷ Цит. по: Там же. С.364.

⁸ См.: *Веретенников В.И.* Указ. соч. С.165; РГАДА. Ф.7. Оп.1. № 117. Л.1–2,20,59,71–71 об.,123.

⁹ См.: *Каменский А.Б.* Сословная политика Екатерины II // ВИ. 1995. № 3. С.43.

¹⁰ См.: *Анисимов Е.В.* Петр Первый: рождение империи // История отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX — начала XX вв. М., 1991. С.197–198; *Водарский Я.Е.* Реформа Петра

Великого: стереотипы и факты // Реформы и реформаторы в истории России. М., 1996. С.46; *Гломозда В.Г.* Альтернативы в истории // Преподавание истории в школе. 1991. № 5. С.12-18; *Могильницкий Б.Г.* Историческая альтернативность: методологический аспект // ННИИ. 1990. № 3. С.7; *Оболонский А.* Перекрестки российской истории: упущенные шансы // Общественные науки и современность. 1992. № 3. С.86-89. Сопоставление точек зрения об альтернативных возможностях в эпоху Смуты см.: *Кобрич В.Б.* Смутное время — утраченные возможности. // История отечества: люди, идеи, решения. С.163-185. Ср.: *Андреев И.Л.* Раскаты Смуты // Знание — сила. 1994. № 2. С.7-8. Недавняя дискуссия показала, что немногие обоснованные попытки разработки «альтернативной истории» относятся к сфере экономики, где возможен анализ динамики количественных показателей. В иных же сферах общественной жизни определить возможность такой альтернативы трудно: на каждой предполагаемой «развилке» выбор во многом предопределяется предшествующим развитием, а исследователю далеко не всегда легко понять логику выбора современников событий. Был поставлен вопрос и об «уровне бифуркации»: реальная альтернатива на одном уровне (например, результат конкретной войны) может не изменить принципиально ход и направление развития страны или региона. Наконец, необходимо четко различать само наличие в данное время иной тенденции социально-экономического и политического развития и существования реального выбора между двумя примерно «равными по силе» тенденциями вместе с готовностью к такому пути со стороны ведущих политических сил, о чем писал в свое время И.Д.Ковальченко (см.: История в сопоставительном наклоне // Одиссей: Человек в истории, 2000. М., 2000. С.21-26, 37-39, 40-41, 42-44, 51-52; *Ковальченко И.Д.* Возможное и действительное и проблемы альтернативности в историческом развитии // ИСССР. 1986. № 4. С.90).

¹¹ Время осуществления подобной альтернативы «отодвигалось» назад — ко времени феодальной войны первой половины XV века, как предполагал А.А.Зимин. Но и в данном случае специалисты скептически оценивают шансы «победы» торгово-ремесленных посадов и свободного крестьянства русского Севера над московским военно-служилым и землевладельческим Центром (см.: *Панеях В.М.* Панорама истории России XV—XVI вв. А.А.Зиминой // ОИ. 1992. № 6. С.79).

¹² В начале петровского царствования, видимо, в Посольском приказе была составлена «Выписка, каким образом в чужестранных разных государствах поступают с служителями и с крепостными людьми», из которой следовало: в Англии, Франции, Италии владельческие крестьяне платят «уроченной оброк по уставу», а «сверх договору» с них нельзя ничего требовать (см.: ЧОИДР. 1905. Кн.3. С.30-31 отд. паг.).

¹³ См.: *Богословский М.М.* Областная реформа Петра Великого. Провинция 1719—1727 гг. М., 1902. С.391.

¹⁴ АВПРИ. Ф.15. Оп.15/3. 1725 г. № 11. Л.10-11.

¹⁵ См.: РГАДА. Ф.9. Оп.2. Ч.1. № 33. Л.513 об.

¹⁶ См.: *Коллман Н.* Соединенные чество: Государство и общество в России раннего нового времени. М., 2001. С.396-397.

¹⁷ Характерно, что в беловом варианте своего труда Матвеев вычеркнул «кромольный» текст, но счел все же нужным пояснить, что король «кроме общих податей, никаким насиливанием не может особенно ни с кого взять ничего, разве по самой вине», обязательно подтвержденной судом (Русский дипломат во Франции: Записки Андрея Матвеева. Л., 1972. С.191,196).

¹⁸ *Лотман Ю.М., Успенский Б.А.* Споры о языке в начале XIX в. как фактор русской культуры // Уч. зап. Тартуского ун-та. Тарту, 1975. Вып.358. С.170.

¹⁹ Принципиально иначе понимал свою роль и роль обряда, церемонии в обеспечении незыблемости существующего порядка царственный «брат» Петра — Людовик XIV: «Народы, над которыми мы царствуем, не умея проникнуть в суть дела, судят обыкновенно по внешности и большею частью соразмеряют свое уважение и послушание с местом и рангом. Так как для общества важно быть управляемым одним, то важно также, чтобы тот, кто исправляет эту должность, был так возвышен над остальными, дабы не было никого другого, с кем его могли бы смешивать и сравнивать. Нельзя, не нанося вреда государственному телу, лишить его главу мельчайших признаков его превосходства, отличающего его от других членов» (цит. по: *Кареев Н.И.* Западноевропейская абсолютная монархия XVI, XVII и XVIII вв. СПб., 1908. С.112).

²⁰ См.: *Вернадский Г.В.* Очерк истории права Русского государства XVIII—XIX вв. (Период империи). М., 1998. С.21-22.

²¹ См.: *Живов В.М., Успенский Б.А.* Царь и бог: семиотические аспекты сакрализации монарха в России // *Успенский Б.А.* Избр. тр. М., 1996. Т.1. С.219; *Успенский Б.А.* Historia sub specie semioticae // Там же. С.73.

²² Правда, Е.В.Пчелов считает «Устав» 1722 г. «спасением для монархии», поскольку смерть нескольких наследников-мужчин — Алексея и сыновей Петра от Екатерины — делала необходимым расширение круга лиц, имевших право наследования (см.: *Пчелов Е.В.* Романовы в XVIII веке: эволюция династического статуса // Вестник архивиста. 1999. № 6. С.147).

²³ См.: *Живов В.М.* История русского права как лингвосомиотическая проблема // Из истории русской культуры. М., 2002. Т.П, кн.1. Киевская и Московская Русь. С.701-703, 711-712.

²⁴ См.: *Лиштенан Ф.-Д.* Россия входит в Европу: Императрица Елизавета Петровна и война за Австрийское наследство, 1740—1750. М., 2000. С.95-96, 107.

²⁵ ПСЗ. Т.VII. № 4870.

²⁶ См.: *Санин Г.А.* Армия и эволюция государственного строя в России в XVI — первой половине XVIII в. // Россия XVII века и мир: Убюл. сб. к 80-летию доктора исторических наук, профессора Е.В.Чистяковой. М., 2001. С.27,44.

²⁷ См.: *Уортман Р.С.* Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. М., 2002. Т.1. С.120.

²⁸ Цит. по: *Голикова Н.Б.* Политические процессы при Петре I. М., 1957. С.93; *Лебедев В.И.* Астраханское восстание 1705—1706 гг. // Уч. зап. Московского гос. педагогического ин-та. М., 1941. Т.2, вып.1. С.9.

²⁹ См.: *Анисимов Е.В.* Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII в. СПб., 1997. С.215.

³⁰ См.: *Серов Д.О.* Строители империи: очерки государственной и криминальной деятельности сподвижников Петра I. Новосибирск, 1996. С.14.

³¹ Цит. по: *Сафронов Ф.Г.* Ссылка в Восточной Сибири в первой половине XVIII в. // Ссылка и каторга в Сибири. Новосибирск, 1975. С.28-29.

³² См.: *Анисимов Е.В.* Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII в. С.284-287.

³³ См.: *Рабинович М.Д.* Социальное происхождение и имущественное положение офицеров регулярной русской армии в конце Северной войны // Россия в период реформ Петра I. М., 1973. С.145.

³⁴ Русские повести первой трети XVIII в. М.-Л., 1965. С. 243,246.

³⁵ В работах последних лет подчеркивается разница между процессом класообразования (ликвидации особых прав и привилегий отдельных групп «служилых людей») и консолидацией (сплочением) дворянства. (см.: *Каменский А.Б.* Российское дворянство в 1767 г. (к проблеме консолидации) // ИСССР. 1990. № 1 С.70).

³⁶ «Верхушка» (600 чел.) располагала в среднем по 1300 крепостных душ; внутри этой группы сохранялась своеобразная «элита в элите»: узкий круг преимущественно потомственной знати, связанной кровным родством и соединявшей занятия важнейших постов с высоким имущественным положением. (см.: *Баггер Х.* Реформы Петра Великого: Обзор исследований. М., 1985. С.114; *Медушевский А.Н.* Указ. соч. С.222-223; *Meehan-Waters B.* Autocracy and Aristocracy: The Russian Service Elite of 1730. New Brunswick, 1982. P.61,86). О стратификации дворянства см.: История России с начала XVIII до конца XIX в. М., 1996. С.60-61; *Шенкуова Н.М.* Об изменении размера двудвудвудвуд помещиков европейской России в первой четверти XVIII — первой половине XIX в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1963. Вильнюс, 1964. С.390-391; *Raeff M.* Plans for Political Reforms in Imperial Russia, 1730—1905. Prentis-Hill, 1966. P.16.

³⁷ По имеющимся в западной литературе расчетам, получение образования и относительно высокий «европейский образ жизни» были доступны в XVIII веке лишь помещикам, обладавшим не менее чем 100 душами (см.: *Raeff M.* Понять дореволюционную Россию: государство и общество в Российской империи. Lnd., 1990. С.101).

³⁸ См.: *Тотьба Ю.В.* Очерк истории землевладения в России. Сергиев Посад, 1915. С.111; *Индова Е.И.* К вопросу о дворянской собственности в России в поздний феодальный период // Дворянство и крепостной строй России XVI—XVIII вв. М., 1975. С.278-280.

³⁹ См.: *Ефремова Н.Н.* Судебная защита права собственности в России XVIII в. // Собственность: право и свобода. М., 1992. С.44.

⁴⁰ См.: *Сивков К.В.* Отписные книги начала XVIII в. как исторический источник // Проблемы источниковедения. М.-Л., 1940. Сб.III. С.368-369.

⁴¹ См.: История крестьянства России с древнейших времен до 1917 г. М., 1987. Т.3. С.169; *Медушевский А.Н.* Утверждение абсолютизма в России. Сравнительное историческое исследование. М., 1994. С.231 и далее; *Тихонов Ю.А.* Феодальная рента в помещичьем имении центральной России в конце XVII — первой четверти XVIII в. // Россия в период реформ Петра I. С.212.

⁴² См.: *Марасинова Е.Н.* Эпистолярные источники о социальной психологии российского дворянства // ИСССР. 1990. № 4. С.167-168.; *она же.* Социальная психология российского дворянства (по материалам эпистолярных источников 2 половины XVIII в.) // Сословия и государственная власть в России. XV — середина XIX в. М., 1994. Ч.1. С.322.

⁴³ «О повреждении нравов в России» князя М.Щербатова и «Путешествие» А.Радишева. М., 1984. С.77.

⁴⁴ *Ключевский В.О.* Соч. В 9-ти т. М., 1989. Т.4. С.330.

⁴⁵ *Медушевский А.Н.* Указ. соч. С.52. Примером такого отношения может служить И.Т.Посошков.

Его экономический трактат призвал «страхованием» заставить учиться детей, шире вводить фискальную службу, принуждать работать нищих и «тюремных сидельцев» и даже вычислить сумму предполагаемого дохода в 200 тысяч рублей от труда заключенных. Он же выступал за введение для крестьян норм посевов и регулярной планировки деревенских усадеб и был убежден в полной возможности царским указом утвердить курс рубля: «А наш великий император сам собою владеет и в своем государстве аще и копейку повелит за гривну иметь, то так и может правиться» (*Посошков И.Т.* Книга о скудости и богатстве и другие сочинения. М., 1951. С.24,98,107,123,128,162,171,180-181).

⁴⁶ *Омельченко О.А.* Становление абсолютной монархии в России. М., 1986. С.69.

⁴⁷ См.: *Смирнов Ю.Н.* Русская гвардия в XVIII в. Куйбышев, 1989. С.45.

⁴⁸ См.: *Бобровский П.О.* История лейб-гвардии Преображенского полка. СПб., 1904. Т.2. С.214.

⁴⁹ См.: *Попов В.И.* История 9 полкового Ингерманландского императора Петра I полка, 1703—1903. Калуга, 1903. С.1-2. Ф.Берхгольц отметил в своем дневнике: в ноябре 1724 г. уже отстраненный от руководства Военной коллегией светлейший князь запретил «своему» полку принимать ново-

го командира по назначению коллегии и сам заполнил все офицерские вакансии (см.: Юность державы /Фридрих Берхгольц. Теннинг Бассевич. М., 2000. С.257).

⁵⁰ См.: *Смирнов Ю. Н.* Русская гвардия в XVIII в. С.26.; *он же.* Особенности социального состава и комплектования русской гвардии в первой половине XVIII в. // Классы и сословия России в период абсолютизма. Куйбышев, 1989. С.89.

⁵¹ См.: РГАДА. Ф.286. Оп.1. № 430. Л.23.; РГВИА. Ф.2583. Оп.1. № 100. Л.16.

⁵² См.: РГАДА. Ф.248. Оп.13. № 691. Л.432-440.

⁵³ Владельческие надписи на книгах гвардейских офицеров см.: Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук. М.-Л., 1956. Т.1 С.231,449.

⁵⁴ См.: РГВИА. Ф.2583. Оп.1. № 92. Л.2 и далее.

⁵⁵ Ее судьбой интересовались Вольтер и сама Екатерина II (см.: *Зызыкин М. В.* Царская власть и закон о престолонаследии в России. Б.м., 1995. С.80; *Линсгер Г.* Петр Великий и Алексей Петрович (эпизод русской истории в освещении западноевропейской литературы) // Петр Великий. СПб., 1903. С.267-268; *Рябинин Д. Д.* Кронпринцесса Шарлотта, супруга царевича Алексея Петровича (французская легенда) // РС. 1874. № 10. С.360-370).

⁵⁶ Австрийский автор «Всепопданнейшего доклада римско-императорскому двору о происхождении и восхождении на трон русской императрицы Екатерины I» сообщал, что Екатерине удалось добиться от Петра во время путешествия по Западной Европе в 1716-1717 гг. подписания тайного завещания, передававшего права на российский престол младшему сыну (см.: *Ефимов С. В.* Петровская Россия в докладе австрийского дипломата // Петр Великий и его время: Материалы Всероссийской науч. конф., посвященной 290-летию Полтавской победы, 8-11 июля 1999 г. СПб., 1999. С.116; *Abgestatteter Bericht an romisch-kaiserlichen Hof von der russischen Kaiserin Katharina der Ersten Herkunft und Gelangung zum Thron* // Magazin für die neue Historie und Geographie. Halle, 1777. Bd.XI. S.486).

⁵⁷ См.: РГАДА. Ф.7. Оп.1. № 1380. Л.3 об.

⁵⁸ См.: История СССР с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1983. С.293.

⁵⁹ См.: *Бушковиц П.* Историк и власть: дело царевича Алексея (1716–1718) и Н.Г.Устрялов (1845–1859) // Американская русистика: вехи историографии последних лет. Императорский период. Самара, 2000. С.93-94.

⁶⁰ См.: *Ефимов С. В.* Политический процесс по делу царевича Алексея. Автореферат дисс. канд. ист. наук. СПб., 1997. С.11.

⁶¹ *Гордин Я. А.* Меж рабством и свободой: 19 января – 25 февраля 1730 г. СПб., 1994. С.76.

⁶² См.: *Бушковиц П.* Указ. соч. С.87; *Ефимов С. В.* Политический процесс по делу царевича Алексея. С.10,15.

⁶³ См.: *Гордин Я. А.* Меж рабством и свободой. С.62-75. Ср.: *Устрялов Н. Г.* История царствования Петра Великого. СПб., 1859. Т.6. С.454,476,497,529.

⁶⁴ В том же году Петра-внука зачислили сержантом бомбардирской роты Преображенского полка. Французский посланник Лави сообщал, что «в Летнем царском дворце готовится помещение для сына покойного наследника... Многие думают, что это делается с целью не допустить тайных недоброжелателей в этом государстве похитить его в отсутствие царя и утвердить за ним московскую корону» (Сб. РИО. Т.40. С.40).

⁶⁵ См.: Первые художники Петербурга. Л., 1984. С.166.

⁶⁶ См.: Сб. РИО. Т.40. С.302,341-342,346-347.

⁶⁷ Цит. по: *Брикнер А. Г.* Русский двор при Петре II (1727–1730): По документам Венского архива // ВЕ. 1896. № 1. С.101.

⁶⁸ См.: Сб. РИО. Т.49. С.65,247,364.

⁶⁹ Там же. Т.15. С.238.

⁷⁰ См.: *Сен-Симон.* Мемуары. М.-Л., 1936. Т.2. С.221,223,229. Донесения Шлейница см.: РГАДА. Ф.93. Оп.1. № 4. Л.625-626,639,690-690 об.

⁷¹ ПСЗ. Т.VI. № 3893.

⁷² В 1715 г. в Нижегородском уезде царевичем назвался рейтарский сын А.Крекшин, затем это имя принял вологодский нищий А.Родионов; в 1724 г. «Алексейми» объявили себя солдат Александр Семиков в украинском городе Почепе и извозчик Евстифей Артемьев в Астрахани; последний даже объявил на исповеди, что скрывался «для того, что гонялся за ним Меншиков со шпагою» (см.: *Прокопович М. Н.* О извозчике I гренадерского батальона Е.Артемьеве, назвавшемся царевичем Алексеем Петровичем // ЧОИДР. 1897. Кн.1. С.9-10 отд. паг.; *Троицкий С. М.* Самозванцы в России XVII–XVIII вв. // ВИ. 1969. № 3. С.140).

⁷³ ПСПРВПИ. СПб., 1872. Т.2. С.16. Е.В.Пчелов отметил, что в перечне имен для церковного «возношения» отсутствовал только маленький царевич Петр, родившийся в 1719 и умерший в 1723 г. (см.: *Пчелов Е. В.* Указ. соч. С.146).

⁷⁴ См.: Неистовый реформатор /Иоганн Фоккеродт. Фридрих Берхгольц. М., 2000. С.466; Сб. РИО. Т.15. С.212,235-236,243; Т.49. С.247,266; Т.3. С.388.

⁷⁵ Прибыл в Россию Хризологус в августе 1723 г. для служения «в католической кирке» и сразу же попал под наблюдение полиции (см.: АВПРИ. Ф.15. Оп.15/3. № 149. Л.1). Монаху было приказано выехать за рубеж. Но Хризологус из Ревеля пытался через камер-фрейлину Екатерины «Яганну» добиться возвращения в Петербург, поскольку «римская императрица «рекомендовала» ему маленького Петра (см.: *Есинов Г. В.* Люди старого века. СПб., 1880. С.227; Описание документов и дел, хранящих-

ся в архиве Святейшего правительствующего Синода. СПб., 1897. Т.5. С.219-220). В итоге монах все же угодил в Тайную канцелярию, но на допросах упорно стоял на своем: ему поручено было только молиться за «племянника» императора, а к нему самому он «идти не искал» (РГАДА. Ф.7. Оп.1. № 204. Л.25 об).

⁷⁶ Это свидетельство (если верить Бассевичу) в устах Феофана Прокоповича и канцлера Г.И.Головкина стало лишним аргументом в пользу Екатерины в январскую ночь 1725 г., когда решался вопрос о преемнике Петра. Сам Феофан, правда, утверждал, что это желание царь высказал еще до Персидского похода (см.: *Феофан Прокопович.* О смерти Петра Великого императора Российского. СПб., 1725. С.19; Юность державы. С.420,432).

⁷⁷ Сб. РИО. Т.52. С.213,220.

⁷⁸ См.: *Брикнер А. Г.* Императрица Екатерина I, 1725–1727 // ВЕ. 1894. № 1. С.125.

⁷⁹ См.: *Вильбуа Ф.* Рассказы о русском дворе // ВИ. 1992. № 4-5. С.151; *Толстой М.* Краткое описание жизни графа П.А.Толстого (сочинение французского консула Вилларда) // РА. 1896. № 1. С.25. Об этом же событии в 1729 г. писал датский посол Вестфален (см. Сб. РИО. Т.66. С.81).

⁸⁰ См.: Там же. Т.52. С.349; Т.3. С.396.

⁸¹ См.: *Серов Д. О.* Указ. соч. С.8-9,22-23.

⁸² См.: РГАДА. Ф.248. Оп.37. № 2284. Л.70 об., 78 об.

⁸³ О намерении Петра отправиться 17 января в Ригу см.: *Петров П.* Цесаревна Анна Петровна // Заря. 1870. № 11. С.108.

⁸⁴ См.: *Арсеньев К. И.* Царствование Екатерины I. СПб., 1856. С.9; Сб. РИО. Т.52. С.349.

⁸⁵ АВПРИ. Ф.32. Оп.32/1. 1725 г. № 5. Л.29 об.

⁸⁶ См.: Походный журнал 1725 г. СПб., 1855. С.3.

⁸⁷ См.: *Феофан Прокопович.* Указ. соч. С.5-19.

⁸⁸ См.: Юность державы. С.428-432,433.

⁸⁹ См.: *Голиков И. И.* Деяния Петра Великого. М., 1789. Ч.IX. С.198,205-206; *Павленко Н. И.* Вокруг трона. М., 1996. С.123.

⁹⁰ Цит. по: Юность державы. С.427-428.

⁹¹ Несмотря на многократную критику этого рассказа, его по-прежнему цитируют и в самых новейших работах (см.: *Hughes L.* Russia in the Age of Peter the Great. Lnd., 1998. P.445).

⁹² См.: Сб. РИО. Т.52. С.415,418; Т.3. С.396-398.

⁹³ См.: РГАДА. Ф.9. Оп.5. №2/24. Л.3-4; № 4. Л.139.

⁹⁴ См.: Там же. Оп.4. Ч.2. № 73. Л.845.

⁹⁵ См.: *Кашин Н. И.* Поступки и забавы императора Петра Великого. СПб., 1895. С.21.

⁹⁶ См.: Сб. РИО. Т.52. С.422; РГАДА. Ф.1292. Оп.1. № 95. Л.1077; *Брикнер А. Г.* Императрица Екатерина. С.123; *Шмурло Е. Ф.* Кончина Петра Великого и вступление на престол Екатерины I // Сборник статей в честь Д.А.Корсакова. Казань, 1913. С.357.

⁹⁷ На это обстоятельство еще в 1872 г. обратил внимание Е.П.Карнович, полагавший, что замыслы нового устройства государственной власти по шведскому образцу интересовали не только узкий круг знати, но и большую часть дворян (см.: *Карнович Е. П.* Замыслы верховников и чело-битчиков в 1730 г. // ОЗ. 1872. № 1. С.231-232). Из известных нам источников только донесение Гогенгольца от 5 декабря 1724 г. сообщает, что некоторые вельможи из царского окружения «устали от угнетения», и «в следующие царствование они предполагают отделиться от деспотизма по примеру прочих европейских государств» (РГАДА. Ф.1292. Оп.1. № 95. Л.1075 об.).

⁹⁸ См.: Сб. РИО. Т.52. С.422; *Шмурло Е. Ф.* Указ. соч. С.357. Эта информация, как нам кажется, подтверждается сохранившимися записями в журнале приказов по Преображенскому полку: 24 января некоторых солдат и унтер-офицеров полка приглашали в Кабинет к «кабинет-секретарю господину Макарову»; несшим дежурство во дворце приказали, чтобы «на карауле стояли опасно и шуму б не было» (РГВИА. Ф.2583. Оп.1. № 104. Л.10).

⁹⁹ См.: РГАДА. Ф.248. Оп.31. № 1937. Л.180-183.

¹⁰⁰ Сб. РИО. Т.52. С.424.

¹⁰¹ Дипломат рекомендовал его своему начальству: «Это один из самых разумных русских, каких я знаю. Он имеет доступ к государыне и расположен к Франции. Его приятель Макаров покровительствует ему». Юров провел восемь лет во Франции и был женат на французке; в конце царствования Петра был его денщиком. В 1723 г. Петр не утвердил выдвинутую Сенатом его кандидатуру на пост консула во Франции (см.: Сб. РИО. Т.55. С.330-331). При Екатерине «об-ретался при Академии», и Сенат в 1726 г. представлял его кандидатуру на пост консула во Франции. Именно ему Кампредон собирался выплатить 500 дукатов при заключении договора (см.: Высочайшие повеления по придворному ведомству (1723–1730). СПб., 1886. С.8,14; Сб. РИО. Т.55. С.329-330; Т.58. С.258,285).

¹⁰² См.: Там же. Т.52. С.438.

¹⁰³ См.: РГАДА. Ф.1292. Оп.1. № 95. Л.1078.

¹⁰⁴ См.: *Брикнер А. Г.* Императрица Екатерина. С.124; *он же.* Россия и Дания при императрице Екатерине I // РМ. 1895. № 2. С.59; Сб. РИО. Т.52. С.438.

¹⁰⁵ Список лиц, подписавших приговор царевичу, см.: *Устрялов Н. Г.* История царствования Петра Великого. СПб., 1859. Т.6. С.533-534.

¹⁰⁶ Сб. РИО. Т.52. С.439-440.

¹⁰⁶ Цит. по: Юность державы. С.431. В этом рассказе перед нами та же коллизия, что и в речи Толстого: генерал приказывает фельдмаршалу, нарушая армейскую субординацию, ибо за ним стоит воля самодержца, которая выше любых норм и порядков.

¹⁰⁷ Сб. РИО. Т.52. С.428,430,438,440; *Брикнер А.Г.* Императрица Екатерина. С.124.

¹⁰⁸ См.: Там же. С.126; Сб. РИО. Т.3. С.400; *Шмурло Е.Ф.* Указ. соч. С.358.

¹⁰⁹ Цит. по: Юность державы. С.267.

¹¹⁰ РГВИА. Ф.2583. Оп.1. № 104. Л.10.

¹¹¹ См.: *Анисимов Е.В.* Россия без Петра. СПб., 1994. С.27; *Перевороты и войны /Христофор Манштейн. Бурхард Миних. Эрнст Миних. Неизвестный автор. М., 1997. С.286.*

¹¹² См.: *Брикнер А.Г.* Императрица Екатерина. С.124; *Вильбуа Ф.* Рассказы о русском дворе // *ВИ. 1992. № 4-5. С.147; Сб. РИО. Т.15. С.254,260; Т.52. С.438,443; Т.66. С.81.*

¹¹³ *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч. В 91-м т. М., 1936. Т.17. С.402.

¹¹⁴ См.: РГВИА. Ф.2584. Оп.1. № 19. Л.22,55.

¹¹⁵ См.: РГАДА. Ф.248. Оп.37. № 2284. Л.88 об.

¹¹⁶ См.: Сб. РИО. Т.52. С.438,441; *Шмурло Е.Ф.* Указ. соч. С.359-360.

¹¹⁷ См.: *Брикнер А.Г.* Россия и Дания при императрице Екатерине I. С.58; Юность державы. С.429.

¹¹⁸ См.: РГАДА. Ф.1292. Оп.1. № 95. Л.1083.

¹¹⁹ См.: Там же. Ф.248. Оп.31. № 1937. Л.180; Ф.279. Оп.1. № 23186. Л.154 об.

¹²⁰ См.: *Платонов С.Ф.* Книга расходная петербургского комиссариата соляного правления 1725 г. // *Летопись занятий Археографической комиссии. Л., 1927. Вып.34. С.281; РГАДА. Ф.9. Оп.4. Ч.2. № 73. Л.857,878-878 об.*

¹²¹ См.: РГВИА. Ф.2584. Оп.1. № 53. Л.135-135 об.,145.

¹²² См.: РГАДА. Ф.9. Оп.4. Ч.2. № 73. Л.857.

¹²³ См.: Там же. Оп.5. № 2/24. Л.4 об.,18; № 18. Л.42.

¹²⁴ См.: Там же. № 2/24. Л.27.

¹²⁵ См.: АВПРИ. Ф.15. Оп.15/3. 1725 г. № 19. Л.59.

¹²⁶ См.: *Вильбуа Н.П.* Краткие очерки или анекдоты о жизни князя Меншикова и его детей // *РВ. 1892. № 2. С.150; Толков И.И.* Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России. Ч.IX. С.207-208.

¹²⁷ См.: Сб. РИО. Т.52. С.440-441.

¹²⁸ См.: *Брикнер А.Г.* Императрица Екатерина. С.123-124; *Вильбуа Ф.* Рассказы о российском дворе // *ВИ. 1992. № 4-5. С.147; Сб. РИО. Т.3. С.408; Шмурло Е.Ф.* Указ. соч. С.364.

¹²⁹ Источники приводят различные сроки его смерти: Феофан говорит о четвертом часу утра, Кампредон и Лефорт — между 4 и 5 часами. Остерман в пометках на своей немецкой Библии поставил 5 часов утра; то же время было указано и в составленной в Коллегии иностранных дел «Записке о преставлении его императорского величества». «Походный журнал» царя сообщал, что «28-го в 6 часу пополудни в I четверти его императорское величество Петр Великий преставился от сего мира от болезни, урины запору» (см.: *Каратыгин П.П.* Семейные отношения Остермана // *ИВ. 1884. № 9. С.611; РГАДА. Ф.375. Оп.1. № 47. Л.1; Павленко Н.И.* Петр Великий. М., 1994. С.556; Сб. РИО. Т.52. С.427; Т.3. С.399).

¹³⁰ Переданный Гогенгольцем рассказ самого Бассевича показывает как творилась легенда: в беседе с информированными дипломатами сразу после событий голштинцев упоминал, что Петр «действительно написал несколько строк, но потом от слабости у него вываливалось из рук перо. Прочсть эти написанные им строки нет возможности» (РГАДА. Ф.1292. Оп.1. № 95. Л.1079 об.). Но тогда Бассевич ничего не сказал о якобы имевшем место обращении царя к Анне; видимо, это «добавление» было сделано уже позднее.

¹³¹ См., например: *Гельбиг Г.* Русские избранники и случайные люди // *РС. 1886. № 4. С.37-38; Молин Ю.А.* Тайны гибели великих. СПб., 1997. С.52,55. Проведенная в 1970 г. экспертиза всех данных о болезни Петра I пришла к заключению, что царь умер в результате злокачественного заболевания предстательной железы или мочевого пузыря (см.: *Павленко Н.И.* Петр Великий. С.557).

¹³² Цит. по: *Брикнер А.Г.* Императрица Екатерина. С.123; Сб. РИО. Т.52. С.436.

^{132a} РГАДА. Ф.1292. Оп.1. № 95. Л.1077.

¹³³ См.: *Бесятых Ю.Н.* Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л., 1991. С.213-214. Впоследствии эта трактовка вошла в некоторые учебники истории XVIII века (см.: *Дмитриев-Мамонов Ф.И.* Хронология. М., 1782. С.219.; *Нехачин И.* Новое ядро российской истории. М., 1810. Ч.2. С.410).

¹³⁴ См.: *Шмурло Е.Ф.* Указ. соч. С.364.; РГАДА. Ф.248. Оп.37. № 1937. Л.184; № 1938. Л.23 об.

ГЛАВА IV

1725–1729: КОНСТРУКЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ ПОСЛЕПЕТРОВСКОЙ МОНАРХИИ

Вся Россеюшка у нас позамялася...
Исторические песни XVIII в.

Окружение «матери всероссийской»

«Великая героиня и монархиня и мать всероссийская», — так обращался к Екатерине Феофан Прокопович в «Слове на погребение» Петра. Но едва ли сподвижники Петра действительно могли преклоняться перед далекой от государственных дел женщиной сомнительного происхождения, ими же и возведенной на престол.¹

В массовом сознании Екатерина, видимо, воспринималась как добрая хозяйка и жена, но не природная царица и уж никак не достойная верховного правления «баба». Даже в песнях солдат петровской армии она не представлялась законной наследницей «империя»; на смертном одре Петр завещал:

*«Сенат судить князьям-боярам, всем старшим фельдмаршалам;
А каменную Москву и Россию — Кате, а империю — царевичу...»²*

Внешность Екатерины вполне отвечала духу времени: она была, по словам историка и придворного графа С.Д.Шереметева, «очень телесна во вкусе Рубенса и красива». Сохранившиеся же документы соответствуют народным представлениям: показывают Екатерину эконожкой, погруженной в хозяйственные заботы дворцового обихода.³ Что же касается государственных способностей императрицы, то новая правительница могла поддерживать разговор на четырех языках, усвоила внешний облик сановного величия и некоторые — весьма скромные — представления о стоявших перед страной проблемах.

После смерти Петра на Екатерину обрушился поток жалоб и челобитных, начиная от обращений канцлера и кончая прошением «придворной полomoйки» Дарьи Ивановой («при ней восемь баб») о выдаче им хлеба, соли и крупы. Г.И.Головкин просил о повышении в чинах сына, П.П.Шафиров — о прощении долгов, обер-шенк А.М.Апраксин — о выдаче ссуды в 3 тысячи рублей и т.д. Но чаще всего просили о пожаловании «деревня-